

Джей Би Рэм

Сингулярность.
Извлечение

Книга вторая
серия «Сверхспособности»
www.jbram.ru

Джей Би Рем

Сингулярность. Извлечение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29179630

ISBN 9785449031181

Аннотация

Найти свое место в жизни – одна из главных задач человека. А что делать, если это место оказывается на другой планете? Здесь действительно все идеально. Но у всего красивого есть обратная сторона. Наши цивилизации тесно переплетены и, боюсь, люди от этого не выигрывают. Меня потрясают все новые открытия, которые требуют еще больше ответов. Но сильнее всего меня подавляет то, что я не могу быть с Максом. Эту реальность я не принимаю. Вторая книга серии «Сверхспособности».

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	68
Глава 5	93
Глава 6	112
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Сингулярность. Извлечение

Джей Би Рем

© Джей Би Рем, 2018

ISBN 978-5-4490-3118-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джей Би Рем

Сингулярность
Извлечение

Книга вторая
серия «Сверхспособности»
www.jbram.ru

Джей Би Рем

Сингулярность. Извлечение

Иллюстрации в книге Джей Би Рем

Официальный сайт: <http://jbram.ru>

e-mail: jbram@jbram.ru

vk: <https://vk.com/jbram>

facebook: <https://www.facebook.com/jb.ram.9>

Instagram: <https://www.instagram.com/j.b.ram/>

Аннотация:

Найти свое место в жизни – одна из главных задач человека. А что делать, если это место оказывается на другой планете? Здесь действительно все идеально. Но у всего красивого есть обратная сторона, и я начинаю понимать – что-то не в порядке. Безукоризненное обиталище не спешит принимать меня с распростертыми объятиями. Моя новая работа – просто кошмар! Да и кому понравится вести статистику катастроф?! Наши цивилизации тесно переплетены и, боюсь, люди от этого не выигрывают. Меня потрясают и ужасают все новые открытия, которые, вместо того, чтобы прояснить ситуацию, требуют еще больше ответов. В этот раз я умудрилась вмешаться даже в военно-политические игры. А что вы сделаете, если кто-то решит переиграть демографическое

положение с помощью опасного вируса? Но сильнее всего меня подавляет то, что я не могу быть с Максом. Ведь он знает, что я вынуждена выйти замуж за представителя своей расы. Но я найду способ, чтобы все изменить.

Глава 1

Если человек дорог тебе, ты должен быть рядом с ним. Вы любите друг друга, значит, все преграды для вас преодолимы. Раньше и мысли не возникло бы, что можно как-то иначе.

Теперь я понимала, что смотрю на Макса, который для меня ценнее собственной жизни, в последний раз. Как такое возможно, если любовь побеждает все?!

Ах, да... Я для него безмерно опасна. Как опасна и для всего вокруг. Поэтому я обязана сохранить равновесие и покинуть привычный мир, ошибочно мною считавшийся домом последние несколько лет.

Как было бы просто пару месяцев назад все бросить и уехать. В то время это казалось мечтой! Я бы с радостью отправилась раскрывать тайны своего происхождения. Но что у меня имелось тогда? Я была одна, без семьи, без памяти (кстати, она ко мне не вернулась до сих пор), дезориентирована, выброшена на произвол судьбы. И только надежда, что родные ищут меня, не покидала мои мысли. Вера в воссоединение с ними давала мне силы и заставляла смотреть вперед, прогоняя отчаяние. Но кульминацией кризиса оказалась внезапно обнаружившаяся возможность путешествия в пространстве. Настоящая телепортация... Я была в растерянности. Да ладно, чего уж там! Меня охватил ужас сюрре-

алистичности происходящего. Я сходила с ума, и в какой-то момент думала, что это галлюцинации. Мне совсем не помешало бы, если кто-то сведущий пришел и объяснил, что происходит. А еще лучше, забрал меня домой к родителям, как это сделал в итоге Алекс. Я так мечтала об этом! Я была бы счастлива. Но не теперь...

С шутками, которые иногда разыгрывает с нами время, по жестокости могут поспорить только шутки, инсценированные нашими неосторожными желаниями. Здесь я попала по обоим пунктам.

Теперь есть Макс... Я люблю этого парня больше собственной жизни.

Его руку я сейчас сжимала, чтобы запомнить прикосновение родного тела, на него смотрела, стараясь оставить в памяти светлый образ. Он появился в моей жизни, как маяк, направляющий меня, поддерживающий, спасительный. И вот до чего я его довела... Лежит в больнице, едва избежал смерти. Вернее, не избежал. Фактически, он перенес клиническую смерть. Боже, кого я обманываю?! Он находился на второй стадии смерти, биологической, так как мозг практически умер, и у него уже были необратимые изменения в организме. Как мне удалось перезапустить всю его систему жизнедеятельности, не знаю, но я вернула любимого на этот свет. А теперь должна покинуть его, чтобы эти трагические события, имевшие место быть по моей вине, не повторились.

Мягкое тепло коснулось моего лба и начало разливаться

по телу, прокладывая дорожки по сосудам и венам, освобождая меня от тяжелых мыслей и воспоминаний.

Каждый день я переживаю тот последний момент расставания с Максом, и боль разлуки режет мое сердце на части, окутывая паутиной депрессии. Тем желаннее было это временное избавление от отчаянных мук.

Я открыла глаза и увидела тень, склонившуюся надо мной. Никакого страха я не испытывала. Наоборот, удивительное спокойствие накрыло меня убаюкивающей волной. Я улыбнулась, узнавая силуэт женщины.

– Мама?

– Я чувствую твою боль. Ты не помнишь, как закрываться, поэтому эмоции сияют вокруг тебя ядовитым желтым цветом, – она перевела руку с моего лба на щеку, нежно поглаживая ее.

– Ты видишь в темноте? – удивилась я.

– Да.

– Так все могут видеть? – эта мысль ужаснула.

В ответ по комнате разлился мягкий приглушенный свет, позволивший мне лучше различать мамины черты.

– Не все. Только люди, связанные родственным происхождением. Или очень сильные синги.

– Синги... – наша раса, всплыла в памяти подсказка.

– Синги – люди, обладающие сингулярностью, это мы, – терпеливо напомнила мама.

Я тут находилась уже примерно месяц, но не перестава-

ла слышать что-то новое, непонятное для себя, и ясное, как день, для всех окружающих. Я старалась больше молчать и впитывать в себя свежие термины и понятия, аки губка, но на нескольких званых раутах все равно попала впросак. Алекс мастерски вытащил меня из неудобных положений, но осадок в душе остался. От этого волей-неволей, чувствуешь себя глупым ребенком. В мое распоряжение предоставлено личное многофункциональное устройство, в котором я бездонно могла копаться в любой информации, что я постоянно и делала, но мне казалось, жизни не хватит, чтобы все изучить, а уж тем более понять.

– С моей силой что-то не так, – я отвела взгляд в сторону, понимая, что такого рода признание демонстрирует мою слабость. А эту черту сваргцы презирали. Я ничего не могла поделать и чувствовала себя здесь такой же чужой, как и на Земле.

– Не вини себя. Мы вернем твою личность, ты все вспомнишь и снова сможешь управлять своей сингулярностью.

– Спасибо.

– У вас с Александром уже что-нибудь получается?

Брат Макса, который на самом деле имел со мной больше общего по происхождению, чем с ним, помогал мне освоить элементарные методы и приемы, позволяющие совладать с силовыми потоками, но пока я все время оказывалась на лопатках. Наши семьи знакомы, а когда-то были очень дружны. Мы с ним с детства друзья. По крайней мере, он так

сказал. Но в последнее время Алекс вообще-то был не особо неразговорчивым. Любую информацию приходилось выпытывать по крупице, и это навевало на мысли, что он от меня что-то скрывал.

– Немного... Да почти ничего.

– Все будет хорошо. Ты должна успокоиться. Возможно, твои негативные волнения влияют на результат... – она выжидательно подняла брови.

Я знала, что Ниан, мама, приглашала меня к беседе. У меня не хватало смелости открыться ей, относительно обуревающих и уничтожающих меня чувств, заполнивших мою сущность с самого первого дня вдали от него. Я не понимала, что со мной происходит, но все симптомы указывали на болезни, о которых столько пишут и рассказывают люди. Только вот я никогда не болела раньше, и вряд ли тут поможет пресловутая микстура.

Я сама много раз собиралась обратиться к маме с просьбой разрешить увидеться с Максом, но не могла заставить себя вымолвить ни слова. По какой-то, засевшей глубоко в душе, причине не верилось, что, рассказав о своих страданиях и переживаниях, я смогу надеяться на счастливое воссоединение с ним. Я чувствовала, что она искренне хочет помочь мне, но все же некая отчужденность сквозила между нами. Я уже поняла, что семьи здесь не ездят на пикники, не поют вместе песни у костра, не гуляют по паркам с аттракционами, не путешествуют с целью отдыха на пляже. В общем,

не ведут себя, как типичные семьи на Земле. Но, с другой стороны, их функции мало отличаются от земных: они дают тебе жизнь, воспитывают и помогают занять положение в обществе. Все это автоматически делает их самыми близкими людьми. Но чаще мне казалось, что это чужие люди. Отца я видела не так много раз, и в каждый из них между нами устанавливались довольно натянутые отношения. Возможно, напряженность замечала только я, и весь дискомфорт, действительно, из-за потери личности. Но я не могла просто отодвинуть свои эмоции, как здесь было принято.

С матерью ситуация была совсем другая. Когда мы оставались вдвоем, она, действительно, мне нравилась. Мама представлялась мягкой, сопереживающей, само ее присутствие несло спокойствие и гармонию. Но, как только появлялся третий, ее взгляд становился отрешенным, а фразы редкими и общими. Иногда мне казалось, будто в ней совмещено два разных человека.

Но вот сейчас она сидела передо мной. Ее глаза обещали помочь, и с моего языка уже почти сорвалось признание в неиссякаемой любви к землянину. Любви, которая стала навязчивой безумной идеей.

– Я... не знаю, мама... Может, я теперь не синг, и моя сингулярность ушла вместе с личностью?

– Не говори так! Возможности, которые открыты перед нами, бесчисленны! Мы можем почти все. Даже в самом бесперспективном исходе, если мы не сможем вернуть твою

личность, ты наша дочь, поэтому в тебе все заложено с рождения. Ты всему научишься заново со временем, – ее слова с благодарностью отозвались в моем сердце. Ну как можно не любить эту ее сторону?!

– Я хотела бы поговорить о Земле... – тут же выпалила я, приняв наконец решение и заходя издалека.

– Не переживай об этом. Это недоразумение и скоро забудется.

– Я так много хотела бы спросить о ней, – сделала я последнюю попытку, чтобы в дальнейшем иметь для себя оправдание, что все-таки пыталась.

Мама свела брови на переносице и поморщилась, будто ей физически неприятно было упоминание о голубой планете. Это окончательно утвердило мое решение, отложить все на неопределенный срок.

– Я не могу тебе ничего сказать. Секретный проект, которым занимается твой отец... – начала она, но прервалась. – Это его работа, у меня обязанности совсем в другой сфере. Очень неприятно, что ты там оказалась. Когда мы выясним, как все произошло, все виновные будут наказаны по всем строжайшим мерам. Ты теперь на Сварге, в безопасности.

В глазах женщины на секунду появилась отстраненность, а ее безапелляционный тон возвестил, что дальнейшие мои вопросы не приведут к нужным результатам, поэтому я просто кивнула.

– Спи спокойно, Киара.

– Спи спокойно, мама.

Земля – секретный проект. Что это могло означать?

Когда я вернулась на свою родную планету Сварга, мне не давали сначала видиться с родителями, не позволили даже осмотреться и не оставили времени для адаптации.

Кроме того, Алекс перед прибытием шепнул мне странную фразу, чем тут же насторожил меня:

– Говори честно, но коротко, избегай тем о нем и, особенно, эмоций.

Конечно, я поняла, о ком он, и, хотя в голове моей возникло миллион вопросов, только молча кивнула.

Сначала я проходила освидетельствования с помощью разных непонятных приспособлений, которые мне водружали на голову и цепляли к телу. Затем испытала нечто, вроде допроса, где пришлось подробно излагать про свою жизнь на Земле. Все это было подозрительно, поэтому о Максе и Дин, единственных свидетелях моей ненормальности, оставшихся в живых, я старалась не упоминать больше положенного, ограничившись информацией, что они являются моими сокурсниками. Затем меня, действительно, заставили подписать договор о конфиденциальности информации, касающейся абсолютно всех аспектов Земли. В большей мере поэтому теперь я ничего не могла добиться от Алекса. Кажется, он тоже подписал подобный документ.

Утро встретило меня солнцем, как, впрочем, и весь последний месяц. Природа за окном поражала своей живопис-

ностью. Все вокруг было красивым, приятным, полным благоухания. На улице стояла все та же прекрасная погода, при которой тело ощущало себя великолепно. Надо отдать должное, климат здесь в это время года – что надо. Вообще, что касается комфорта окружающей среды, условия для существования просто идеальные: атмосфера, воздух, гравитация, температура, влажность. Такой легкости, казалось бы, я никогда не испытывала.

Встретившиеся на пути люди тоже обладали незаурядной красотой, будто сошли с обложек модных глянцевого журналов. Они величественно кивали при встрече, а у некоторых в улыбках, обращенных ко мне, скользила непонятная надменность, заставлявшая меня теряться в догадках о причине ее возникновения, искать на губах крошки или осматривать себя беглым взглядом на предмет одетой наизнанку одежды.

Первое время я все ждала, что из-за угла появится какое-нибудь чудовище, ну или просто инопланетянин, внешне отличающийся от гуманоидных форм. Но каждый человек, которого я видела, был настолько божественен на вид, не имея ни одного отклонения, даже в виде кривого носа или шрама какого-нибудь, что я почувствовала себя единственным уродцем в цирке. На это я и решила списать не слишком дружелюбные взгляды незнакомцев.

Я не заметила ни одного нейрофага, что радовало. Наверное, таким страшным существам не место в идеальном мире, где всюду царит перфекционизм. Напрашивался вопрос, как

такое совершенное и образцовое общество могло породить ужасных монстров? И нет ли очередной загадки в отсутствии золотой середины между красивыми людьми и изуродованными нейрофагами?

– Киара?

Я вздрогнула.

– Александр.

– Готова?

– Да.

Снова тренировки, заставляющие чувствовать себя бесполезной. Но мне они нужны. Нужны, чтобы увидеться с Максом. Макс – только он движет меня к цели. Это он пробудил во мне способности. Мама сказала, что у меня ничего не выходит из-за негативных чувств, но это не так. Она не догадывалась, как на самом деле я смогла вызвать из глубин подсознания силы... Так же, как никто до конца не знал, что случилось в тот день, когда я обрушила град на город. А это было лишь побочным действием того, что я неизвестным образом заставила Макса снова жить.

Воспоминания того момента, когда я осознала, что чуть не потеряла его, всплыли перед глазами, заполняя меня страшными мыслями.

Я почувствовала удар, заставивший видение, постоянно преследующее меня, рассеяться. Огненная стена нещадно повалила мое тело на землю, обдавая твердой обжигающей волной, лишаящей возможности вдохнуть необходимое для

бесперебойного функционирования организма количество кислорода.

– Киара, ты в порядке? – услышала я обеспокоенный голос.

Я открыла глаза, все еще ощущая жар на опаленных участках кожи рук. Защитный тренировочный костюм сделал свое дело и уберег закрытые места, оставив на растерзание открытую поверхность ладоней и пальцев.

Надо мной навис взволнованный Алекс.

– Ты опять замечталась. Я просил тебя концентрироваться на хороших воспоминаниях, а не тонуть в грезах и мечтах! Я мог тебе серьезно навредить, – голос его имел спокойную ровную интонацию, но я уловила в нем вспышку раздражения.

– Прости, Александр. Надеюсь, мои брови на месте? Не хотелось бы оскорблять такое великолепное общество барби и кенов своим видом, – решила я разрядить атмосферу. Пальцы нещадно щипало, но я, преодолевая боль, послала ему улыбку.

Он хмыкнул, но промолчал, несмотря на то, что сарказм и другого рода шутки у сваргцев считались плохим тоном. Затем помог мне сесть и расположился рядом. Некоторое время мы сидели, не нарушая тишины. Я пыталась мысленно настроиться и запустить процесс регенерации поврежденных участков кожи. Это была задача одного из первых уроков, которые дал мне Алекс, и считалась им самой простей-

шей начальной стадией, подходящей для моего индивидуального освоения. Уже некоторое время я пыталась обуздать свои силы. Хотя бы немного приспособиться к основным навыкам пользования ими. Алекс, единственный, кого я могла считать своим другом в новом для меня ареале, согласился помочь мне научиться этому. Каждый день мы приходили в закрытый клуб-парк, специально отведенный для подобных занятий.

– Думал обучать тебя – это отличная идея. Но я уже пару раз чуть не убил единственного ребенка Стратимов. Меня за это по голове не погладят.

Я хмыкнула, услышав его фразу, одну из многочисленных, подхваченных на Земле. Учитывая, что речь на Сварге используют только для передачи исключительно важных сведений, я очень скучала по обычному земному трепу. Сейчас я понимала, почему Дин всегда жаловалась на мою сдержанность и неразговорчивость.

– Это я виновата.

– Лучше временно прекратить обучение.

– Нет, пожалуйста, Алекс. Я должна научиться управлять своими способностями.

– Когда пропустила удар, ты думала о Максе?..

Я опустила глаза и уткнулась в узорчатый ковер ярко-зеленой травы.

– Я всегда о нем думаю.

– Ты должна уметь контролировать свои эмоции. С ним

все хорошо, я знаю.

– Откуда?

– У меня есть свои источники. Если ты будешь лучше стараться, тоже сможешь.

– Я смогу увидеть его? – оживилась я.

– Будь сдержанней. Никто не должен знать, что ты чувствуешь к нему. Вообще все, что с тобой случилось, нужно любимыми способами удержать в тайне.

Я удивилась словам Алекса. В первую очередь, потому, что они неожиданно попали в одну ноту с моими мыслями, а, во-вторых, было странно слышать от него откровенность, ведь он постоянно избегал моих вопросов.

– Почему?

– Я не вправе рассказывать, если родители решили не посвящать тебя в курс дел о Земле. Кроме того, я связан пунктами контракта о неразглашении.

– Алекс, прекрати! Я, конечно, пока этого не помню, но ты сам говоришь, что мы друзья и с детства вместе. Я не прошу выдавать тайны корпорации, но, тебе не кажется, имею право получить информацию о Максе? – во мне klokотали гнев и раздражение. Больше всего я нуждалась в новостях о любимом человеке, а он отказывал мне в этом.

– Как продвигаются поиски в «НХЛ»?

– Что? – немного зло спросила я, раздосадованная его желанием сменить тему.

– «Нейрофагское Хранилище Личностей».

– Пока ничего.

– Если твои воспоминания и личность стерты, то этого можно было добиться только через «Нейрофаг Индастрис».

– Кому это нужно?.. Отец сказал, что делает все возможное. Идет расследование. Но не переводит тему. Что такого важного я не знаю?

Он некоторое время молчал, уставившись долгим взглядом на свои блестящие ботинки.

– Что родители рассказали тебе о Земле?

– Практически ничего. Более того, мама вообще не хочет об этом говорить. Только и слышу про секретный проект, а что это значит, не ясно. Знаешь, родители... Не знаю, как объяснить... Все очень странно. Я думала, наша встреча пройдет по-другому. Более... – я запнулась, стараясь подобрать слова.

– Тепло? – усмехнулся Алекс.

Я удивилась его четкому попаданию.

– Да. Я не хочу сказать, что они были не рады меня увидеть живой и здоровой. Но будто я и не пропадала на два года, а съездила к бабушке на каникулы на пару дней. Кроме того, все избегают говорить со мной на эту тему.

– Ну, во-первых, они знали, что ты жива. Когда синг умирает, его кровные родственники сразу понимают это.

– Неужели?! – я была поражена.

– Да. Происходит некий импульс, связующая кровная нить обрывается, – в его голосе я уловила грусть.

– Удивительно. Значит, они знали, что я в порядке. Ну тогда все не так плохо... А, во-вторых?

– Если ты встретишься с моими родителями, то поймешь, что твои испытывают к тебе самые настоящие для любого синга чувства привязанности и любви. Я могу объяснить твои сомнения лишь потому, что прожил на Земле определенное время. Традиции отношений между людьми земной расы сильно отличаются от наших. Ты ведь заметила, мы более рациональны. У нас эмоции отодвигаются на задний план, потому что зачастую они только мешают. Считается плохим тоном, показывать свои переживания не только посторонним, но даже близким людям, – при последней фразе на лице его появилась мальчишеская ухмылка, которую он тут же подавил, стремясь донести до меня свои скучнейшие лекции по этикету сингов.

– Да, ты уже говорил, Алекс. То есть Александр, – вспомнила я еще одно негласное правило на Сварге, называть полные имена людей.

– Ты можешь обращаться ко мне, как тебе нравится, когда никого нет рядом. Я повторяю это, чтобы помочь тебе адаптироваться в нашем мире. И твое свечение... Ты должна его контролировать.

– Ты тоже видишь? Но мама сказала, что только родственники... и сильные синги, – я постаралась сосредоточиться, успокоиться и ровно дышать, подавляя волнение, пульсирующее светом вокруг меня.

– Да. Я явно не родственник.

– Здесь всё такое красивое, идеальное. Но у меня чувство, что это чужой мир. Я не понимаю его. Все кажется странным и ненастоящим. Люди на улице улыбаются, но надо скрывать свечение, чтобы никто не узнал твоего истинного настроения. Все такие счастливые, хотя знают, что правительство штампует из неугодных людей монстров! Меня передегивает каждый раз, когда я об этом вспоминаю. Земля – секретный проект заигравшихся в богов сваргцев, но как такое возможно, и что конкретно это значит?! Объясни мне, что с этой планетой, что со всеми этими людьми?! Ты – мой единственный друг. Я могу доверять только тебе. Пожалуйста, не молчи и не уходи, как делаешь всегда, когда ничего не хочешь мне объяснять. Мне больше некуда обратиться, а вопросы разъедают меня изнутри.

– Ты привыкнешь, – только сказал он.

– А ты привык?! – взорвалась я.

Алекс посмотрел вдаль, затем на траву под ногами, оставив мои вопросы без ответа. Видимо, кое-кто попал в точку.

– Так что я должна знать о Земле? – решила я сменить одни болезненные темы на другие.

Парень тяжело вздохнул, и я почувствовала, что мне удалось прорваться.

– Я говорил, что Солнечная система принадлежит твоей семье, – сдался он, наконец.

– Да. Также ты сказал, что я все узнаю здесь, но никто

не хочет мне ничего рассказывать.

– Если быть точным, она является собственностью корпорации «СтратимХорс», в совет директоров которой входят наши семьи. Это многопрофильная компания, но в основном там занимаются научными исследованиями, изобретениями. Я всю жизнь рос с намерением в ней работать. Я жаждал этого, и не собирался растрачивать свои силы впустую, целенаправленно стремясь именно туда. Отец доверял мне несложную работу под присмотром, и был мною доволен, но никогда не оставлял меня одного в своем кабинете или в офисе. Его рабочий кабинет дома не имел свободного доступа ни для кого в семье, кроме него самого. Я знал, что там хранилось много тайн, а я так хотел скорее стать полноценным сотрудником корпорации. Я всегда отличался излишним любопытством. Ему это даже нравилось, данное качество казалось своеобразным двигателем к научным изысканиям. Однажды отец потерял бдительность и, выйдя из кабинета, ушел, не проверив, защелкнулся ли цифровой замок. Я долго ждал такого случая, для которого припас машину на дистанционном управлении. Я загнал ее в проем с панелью, и не дал двери закрыться. Таким образом, сигнализация не активировалась, и я свободно попал внутрь. Я действительно наткнулся на тайну... В ящике стола нашел шокирующую информацию. Сначала я даже не поверил, поэтому зафиксировал все на свой крипт. Позже, когда стал детально изучать ее, я понял, что передо мной приказ на подготовку

к Извлечению энергии в состоянии сингулярности планеты Земля Системы Эрго, Солнечной системы, – было видно, что ему неприятно говорить все это. Он периодически морщился, а к последним словам вовсе опустил голову и только искоса смотрел на меня.

– Что это значит? – волнение охватывало меня с каждой секундой все больше.

– Если сказать простым языком, это значит устроить Большой Взрыв и изъять энергию в момент бесконечной плотности и температуры вещества.

Глава 2

Меня пронзил приступ паники. Слова постепенно доходили до моего мозга, бросая тело то в жар, то в холод, но разум сопротивлялся дикости заявленного.

– То есть уничтожить? Зачем?

После некоторой паузы, Алекс поднял голову и посмотрел мне в глаза изучающе, будто думал, говорить мне следующие слова или нет.

– Солнечная система – это один из научных исследовательских проектов «СтратимХорс». Частично она и была создана, чтобы получить конкретный конечный продукт.

Я почувствовала, как моя потрясенная нижняя челюсть с легкостью расстается со своей законной соседкой, будто знает, столько кислорода, сколько мне в этот момент внезапно понадобилось, носом просто не вдохнуть. Я как со стороны слышала свой возмущенный полустон-полувдох. Если я жила бы в средневековье, то воскликнула, какую свято-татственную чушь он несет, и сожгла бы его на костре, как еретика. Нет, я, конечно, не такая жестокая. Но услышав поразительный кошмарный расклад дел, мой гнев заслуженно занял свой королевский трон рядом с удивлением. Мне уже было известно, что синги имеют отношение к мифологии богов на Земле. Мне даже приходило в голову, что, возможно, они стали невольными, а, может, и вольными участниками

заселения планеты, так как трудно оспорить наше внешнее сходство. Но узнать о бездушных безжалостных расчетливых планах сингов на целую Солнечную систему – этот удар заставил мое сердце обливаться кровью.

– Компания создала целую галактику?! Но как такое возможно?! – это не укладывалось в голове.

– Уровень развития нашей цивилизации намного выше. Есть всего несколько компаний занимающихся такими сложными операциями. И главная из них – наша, – я услышала нотки гордости в его тоне и почувствовала тошноту.

– Но зачем уничтожать?

– В этом люди везде одинаковы. Это проект, обещающий огромное количество денег и власть.

– Но там люди! О Боже! Там Макс! Это чудовищно! – меня просто трясло от страха, туго переплетенного со злостью от безысходности.

– Я согласен. Когда копался в документах, я и нашел этот отчет. В нем было изложено, что на одной из планет образовалась разумная жизнь. А это могло стать поводом для отмены Извлечения. Но я также обнаружил приказ, оставить в тайне эту информацию от всего совета. Я не мог поверить, что в этом документе стояла подпись моего отца. Я пришел к нему и прямо все сказал. Он убедил меня, что произошла ошибка, и за разумных приняли приматов. Показал мне отчеты, доказывающие это. Я поверил. Почти. Но решил идти до конца. Я оставил ему послание, что отправляюсь на Зем-

лю, проверить его информацию. Проник в «Нейрофаг Индастрис», запустил оборудование, стерев часть своей личности, чтобы меня трудно было обнаружить, и телепортировался на планету Земля. И понял сразу, что отец лгал. Там действительно оказались разумные существа, с уровнем ментального развития младенцев, но практически не отличающиеся от нас внешне.

– Алекс, ты очень смелый. Так ты оказался в семье Макса...

– Да. Ушло немного времени, чтобы выучить их язык. Пожалуй, чрезмерная экспрессивность, свойственная обычно только детям, очень удивила меня, конечно... Но они не заслуживают быть уничтоженными. Пусть даже и появились в результате эксперимента в научной программе.

– Но как теперь обстоят дела с Землей? Все разрешилось? – не терпелось мне услышать развязку. В душе все клочкотало, и я молилась, о том, чтобы он сказал, что все в порядке.

– Не совсем. Идет суд, который должен определить судьбу Солнечной системы, борьба между нашими семьями. Моя – по-прежнему настроена на Извлечение. Сильной стороной моей семьи всегда являлась коммерция. Твой отец, как человек науки, настаивает продолжать эксперимент и оставить планету для дальнейшего развития.

– А в суде теперь знают о людях?

– Да. Я об этом позаботился.

– Значит, они запретят уничтожать Землю?

– Не факт. Затрачено много денег, замешаны очень влиятельные синги. Проект такого размаха не может обойтись без участия правительства. Ходили слухи, что ты похищена в связи с этим делом, но никаких доказательств пока нет. Кто-то хорошо поработал. Надеюсь, что это не мой отец, – Алекс устало опустил голову.

Я коснулась его плеча успокаивающим жестом.

– Даже если это он, наша дружба не пострадает. Ты – не твой отец. Я верю тебе.

– Спасибо.

– Как мы можем повлиять на ход этого дела?

– Никак.

– Но если суд решит в пользу твоего отца...

– Земля погибнет.

Дыхание перехватило, а сердце сжалось. Макс... и Дин...

И еще множество невинных людей...

Внимание привлек приближавшийся к нам через парк нейр, выполнявший на Сварге функции полицейского. Один из представителей современного общества, пугавший меня до ужаса. Как и нейрофаги, нейры лишены личности вследствие приговора суда, но их хотя бы не видоизменили. Они были похожи на обычных людей, только в специальной форме и с пугающим отстраненным отсутствующим взглядом. Меня аж передернуло от инстинктивного страха, когда он направился к нам.

– Я вынужден попросить прервать тактильный контакт. В общественном месте это запрещено.

Я одернула руку от Алекса, плечо которого сжимала, и спрятала ее в карман.

– Все в порядке. Я – доминус Александр, род Хорс. А это доминэ Киара, род Стратим. Она под защитой пункта Борна. Все данные хранятся в системе. Можете проверить, – выступил вперед Алекс, бросив на меня успокаивающий взгляд.

Нейр достал устройство, похожее на небольшой планшет и направил его на меня. Я дернулась назад.

– Все хорошо, Киара. Он просто просканирует твое лицо, отпечатки и сверит информацию о тебе. Просто стой и не двигайся.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я чувствовала себя хомячком в аквариуме, над которым навис отвратительный мальчишка с целью помучить животное. По идее, я должна была обрести дом, а попала в аквариум. С красивыми декорациями и прекрасноликими золотыми рыбками.

– Все в порядке, личность подтверждена. Всего доброго, доминус Александр Хорс, доминэ Киара Стратим.

– Алекс. Что это за пункт Борна?

– После восстановления личности резиденту требуется время на адаптацию, и ему свойственно совершать ошибки в обществе, так как память работает избирательно. Поэтому некоторый период он защищен этим законом, дающим право прикрывать служателям порядка глаза на мелкие наруше-

ния.

– И сколько времени на адаптацию у меня?

– С тобой все сложно...

– Ведь у меня пока даже нет личности, соответственно и памяти, – догадалась я.

– Точно. Но я уверен, все образуется.

– Почему полицейский сказал, что нельзя касаться другого человека? – я повернулась к нему.

– Ну... это просто правила приличия, запрещающее нарушение личного пространства. Это принято уже очень давно. Я читал, что пошло все с того времени, когда Народы Содружества Галактик были разобщены и бесконтрольны из-за раздробленности государственных систем. Начались беспорядки, эпидемии, экономический кризис подогрел волнения в разных частях Мира. Напряженная военно-политическая ситуация на всех заселенных планетах нашей и соседних систем достигла своего пика. Кроме того, люди мигрировали, путешествовали и переносили друг к другу все новую инородную заразу. Пересматривалась законодательная система. Ну и среди многих изменений также вышел закон, запрещающий в общественных местах телесно взаимодействовать. Эпидемии прошли, а этикет остался. И, сама понимаешь, везде свои правила и традиции. Все разные, поэтому это унифицированный код общения.

– А если случился приступ, и нужна срочная помощь?

– То надо помочь всеми возможными способами.

– А если мать несет ребенка?

– Нет, только если касание излишнее...

– В смысле?

– Если оно не продиктовано определенным общественно важным делом или занятием.

– Ясно. А как же влюбленные? – я покраснела, понимая, что сам мой вопрос, скорее всего, неприличен здесь.

Алекс нахмурился, но я увидела промелькнувшее в его глазах смущение.

– Киара, я не хочу задеть тебя, но любовь – это чувство, не присущее разумному человеку. Прости. Я хотел сказать, современному сингу. Это как предыдущий этап развития что ли. Только не обижайся, правда. Если ты будешь рассказывать родителям, как любишь Макса, ничего хорошего из этого не выйдет. И уж точно они не обрадуются, что их единственная дочь выбрала себе в пару землянина. Это здесь не приветствуется. Да что уж говорить – такого никогда и не было!

– Да что плохого в землянине?

– Ничего. Просто они другие. Когда тебе вернут личность, я думаю, ты пересмотришь многое в своей жизни за эти два года.

– Все же не верится, что совсем никто не испытывает чувств симпатии, любви.

– Нет. Почему? Испытывают дома, где никто не нарушает единение пары, а также дети априори подвластны эмоциям.

Но в нашей с тобой среде лучше забыть о таких сомнительных привилегиях.

– Я не смогу забыть, Алекс. Как только я найду возможность быть рядом с Максом, не представляя при этом для него никакой опасности, я вернусь к нему.

– Я понял тебя. Но сначала надо добиться судебного отказа в Извлечении, иначе некуда будет возвращаться.

Страх сковал меня ледяными щупальцами. Весь мой мир, который я до сих пор считала больше своим домом, чем сегодняшнее окружающее пространство, завис над бездонной пропастью.

– Когда ты сможешь научить меня управлять перемещениями?

– Как только ты освоишь материализацию энергии, дело пойдет быстрее, а пока никаких перемещений.

– А ты сможешь мне увидеть Макса?

– Киара, мы ведь уже обсуждали это. Перемещения оставляют за собой нити. Мне нельзя пока так делать. Я сейчас стараюсь войти в состав совета «СтратимХорс», поэтому делаю все, что ожидает от меня отец. Учитывая мое внеплановое длительное посещение Земли, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы он поверил, что мы единомышленники. Но при этом меня постоянно проверяют. За мной следят. Если он узнает о моем отношении к Солнечной Системе, то оттянет мое вступление в совет до того времени, когда я уже не смогу ничего предпринять для Земли.

– Если за тобой следят, значит, он знает, что ты сейчас здесь?

– Конечно.

– Со мной.

– Да.

– А разве наши отцы не противостоят друг другу в суде?

Алекс, поморщившись, кивнул.

– Тогда он должен быть против наших встреч. Он может подумать, что ты на стороне моего отца.

– Он не против.

– Я не понимаю.

– Ну он думает, что я собираюсь предложить тебе стать моей парой, – совершенно равнодушно заявил он, как будто речь шла о совместном походе в магазин.

– Что?! – я вскочила с лавки, уставившись на Алекса во все глаза.

– По-другому я просто не смог бы реализовать твоё обучение. Ты ведь сама просила.

Я села обратно и успокоила себя уже привычной дыхательной гимнастикой.

– Но ты не собираешься делать этого, правда? – наигранно спокойно спросила я, потому что дыхательная гимнастика ни черта не помогла.

– Подавляй свечение. Отец рад возможности объединить два старинных и состоятельных рода. Тем более и ты, и я – единственные дети. Я использовал это, чтобы быть рядом

с тобой.

– Прости за мою реакцию.

– Да уж, тебе надо лучше пытаться сдерживать себя. Ты не стабильна. Это одна из причин, почему мы идем миллиметровыми шагами в обучении. Энергия не любит неточности и непостоянства. Она – удел сильных, решительных сингов.

– Там у меня получалось переместиться только в момент кульминации панического страха.

– Да, это тоже вариант для самозащиты... детей.

– Мило. Сравниваешь меня с ребенком. А когда я уничтожила десятки нейрофагов в пустыне? Я не боялась.

– Правильно. Тебя вели сильные чувства: стремление защитить, помочь. Но это опять же экстренные меры, замешанные на эмоциях. А нам нужна холодная спокойная концентрация и знание того, что ты делаешь. Боюсь, второй раз тебе не простят уничтожения такого количества государственной собственности.

– Я сама не могу простить себе, что подвергла опасности свой город и его обитателей.

– Точно. Хотя, по секрету, тебя бы не нашли по-другому. Ведь твоей личности нет. А за два земных года ты не делала ничего, указывающего на твою принадлежность к пропавшему сингу.

– Но я перемещалась.

– При перемещении, не имея своей личности, ты оставля-

ла след уже другой сущности. К тому же он был такой незначительный, что в инстанции выше патрульных нейрофагов это не ушло. Поэтому они пытались устранить тебя, как постороннюю энергию. В первый раз ты засветилась, когда твоя кровь попала к нейрофагу. Проанализировав ее, и обнаружив в базе данных первой категории по пропавшим, он подал сигнал, но ты уже отправилась в следующее отслоение земной реальности.

Каждый раз воспоминания о страшных монстрах болезненно напоминали о Дене, моем друге, следы которого потерялись в Чешских катакомбах припадении. В душе я осознавала, что нейрофаги в каком-то роде заслуживают жалости. На самом деле они некогда тоже были людьми, но совершили ошибку, нарушив закон, а затем прошли процедуру изъятия личности на срок приговора, и были отправлены уничтожать все огрехи Вселенной, вроде меня. А то, что Ден находился рядом – полностью моя вина...

– Зато, когда в отчетах энергетического воздействия неземного плана проскочили указания штормового характера, стало понятно, что к этому приложил руку Стратим, – продолжал Алекс. – И тут уже все переполошились.

Я опустила глаза, вспомнив, какой урон нанесла своими неуправляемыми разбушевавшимися силами.

– Алекс, тебе удалось что-нибудь узнать о Дене? Ты говорил, что твой дядя работает в этой организации.

– К сожалению, нет.

– Но ведь если он прошел процедуру изъятия личности, теоретически, она где-то в их картотеках?

Он накрыл мою руку своей ладонью, наклонился чуть ближе и произнес тихим ласковым голосом, как будто говорил маленькому ребенку:

– Киара. Нейрофаги не всегда оставляют в живых своих жертв. У них четкие инструкции, и иногда они выполняют приказ на месте. Это же Земля. Люди слабы, чтобы даже пережить процедуру изъятия. Поэтому, скорее всего, его энергия просто была поглощена.

Одновременно в парадоксе с этими страшными словами я почувствовала, как по моему телу разливается теплое спокойствие, и поняла, что это дело рук Алекса.

– Ты не слишком о них высокого мнения. А ведь они приняли тебя в семью, – голос мой дрожал, подчеркивая, что усилия Алекса, заставить меня забыть о трагической судьбе Дена, напрасны.

– Ты не права. Возможно, они являлись единственной настоящей семьей, которая у меня была. Просто люди слишком хрупки. Хрупки и не стабильны. Как ты сейчас. Поэтому я защищаю тебя. Ты напоминаешь мне о них.

– Защищаешь от кого? – не поняла я.

– От всего. И, в первую очередь, от себя самой.

– Что ты имеешь в виду?

В голове моей разлилась неприятная вибрация, заставившая меня буквально подпрыгнуть. Я растерянно смот-

рела на парня передо мной, пока через несколько секунд не вспомнила, что это все значит.

– Что случилось, Киара?

– Кажется, мне звонят, – я подняла руку и посмотрела на часы, как я прозвала местное средство связи, крипт, заключавший в себе схожие со смартфоном качества. В голове возник образ улыбающейся мамы, высветившийся как «Никан Стратим».

Я только несколько раз пользовалась этим прибором, оставляющим впоследствии такое ощущение, будто в твоей голове побывал кто-то посторонний и совсем там не нужный, но до сих пор до конца не разобралась в правилах пользования.

Поэтому сказала вслух:

– Э... мама? Ответить? – вроде гаджет меня понял, так как тут же раздался мелодичный голос матери.

– Привет, Киара.

– Здравствуй... те.

– Завтра мы уезжаем, поэтому хотелось бы видеть тебя сегодня на ужине.

– Ладно.

– Хорошо. Увидимся на ужине.

– Ок.

– Что?

– Хорошо.

Образ растворился, принося мне облегчение. Я и на Зем-

ле не очень любила телефонные звонки, а тут прямо в голове. Настоящее нарушение личного пространства именно это, а не то, что тут внесено в свод законов, типа дружеского рукопожатия.

– Киара, а ты в курсе, что разговаривать можно мысленно, не посвящая посторонних в свои личные переговоры? – подал голос ухмыляющийся Алекс.

– Надо привыкнуть. Родители завтра уезжают. Есть еще вопрос, который меня мучает.

– Давай, – вздохнул парень.

– Почему в вашем высоко-цивилизованном обществе такие варварские методы обращения с преступниками?

Алекс оглянулся по сторонам, оторопев от моего заявления.

– Сколько я просил тебя быть сдержанней. Если бы здесь был кто-то другой, то скоро ты снова общалась бы с нейром, несмотря на закон Борна. Я тебе скажу один секрет. Не то чтобы у нас демократия в человеческом понимании. Ты можешь изучить материалы по истории, тогда тебе все станет ясно.

Вот тебе раз. Идеальное общество. Наверное, все не идеальные отправляются к нейрам.

– То есть, у вас нет свободы слова, – уже тише сказала я, наклонившись к нему.

– Есть, если оно не противоречит закону. И не у вас, а у нас. Здесь твое место.

– Как это, не противоречит? – по поводу моего места я даже спорить не стала.

– Ну, например, сейчас ты критикуешь одну из основ нашей системы. Ты не относишься с уважением к механизму, выработанному веками. Посмотри, как вокруг все стабильно. Нет войн, болезни побеждены, нет нищих, все одеты, никто не голодает, преступность сведена к минимуму, наука процветает. Все это достигнуто при современном политическом укладе. Может быть, чтобы жить хорошо, людям не нужна демократия?

– В твоих словах есть доля правды, если все на самом деле так, как ты описываешь, но сама ситуация с Солнечной системой подрывает твою теорию! Это неправильно! Как неправильно переделывать людей в то, чем они не являются при рождении. Это кощунство! Сами законы бытия подрываются таким образом. Делать с живым разумным существом такие вещи ужасно! Я убила множество нейрофагов, которые еще имели возможность вернуть личности после истечения срока и жить дальше, поэтому не удивляйся, что я чувствую вину за загубленные жизни. Но настоящая вина в этом не моя, а вашего политического строя.

– Таковы законы. Нейрофагами становятся только самые отъявленные нарушители. В некоторых странах Земли их казнят. У нас же им дают возможность пройти естественный отбор. Если он выживает, то становится иной личностью, обретает новую жизнь, лишившись качества, за которое попал

на конвейер.

– Все равно это не правильно.

– А что бы ты предложила? Посадить в тюрьму? Это что ли справедливость? Изолировать с разными диагнозами в одно место, где они не исправляются, а цепляют друг от друга новые маниакальные качества и прочую заразу?

В его словах был смысл, но я не могла смириться с такой жестокостью.

– Я...я не знаю. Мне пора.

– Сделай перед сном все упражнения, которые я тебе показывал.

– Хорошо.

– До встречи. И Киара?..

– Да.

– Лучше тебе не говорить о Максе. И о нашем разговоре.

– Ок.

– Ок... – вздохнул Алекс, – ну что за заразительное слово!

Глава 3

На очередном семейном ужине подтвердились мои опасения. Отец, резюмируя работу всех органов, признался, что, скорее всего, моя истинная личность утеряна навсегда. Хотя он заверил, что расследование не прекратится, но ясно дал понять, нам надо свыкнуться с сегодняшним положением вещей. С мыслью, что я уже никогда не стану прежней. Собственно, не зная себя прежнюю, не могу сказать, что я сильно расстроилась. В беседе он акцентировал внимание на огромной роли моего прилежного обучения, призванного вернуть меня в ряды настоящих сингов, достойных рода Стратим. При упоминании Алекса и того, какова его роль в моей подготовке, у отца на миг промелькнуло настороженное выражение лица, но он вынужден был признать, что лучшей кандидатуры для занятий не найти.

Дети сингов учатся пользоваться своими способностями с детства, постепенно расширяя и оттачивая свои знания и умения. Они копят собственный опыт, опираются на свою эмпирию. Отец с матерью стараются не вмешиваться, и с самого раннего возраста детей вынуждают принимать самостоятельные решения. Предполагается, что я уже прошла все этапы, родители заложили во мне все положенное. Это есть внутри меня, за запертыми дверьми подсознания, если бы не одно «но» – кто-то взял и изъял мою личность со всем

богатым багажом. Я оказалась отброшенной в самое начало, вынужденная постигать заново каждый аспект становления сингулярной личности.

Вот в такой запутанной ситуации и явился Алекс со своим предложением. Он обещал мне помочь научиться контролировать необузданные в своей мощности силы, присущие каждому в моей расе. Правда, пока никаких новых навыков у меня не появилось. Если только не считать то, как я теперь здорово группируюсь при падении или маневрировании, спасаясь от небольших, но все же опасных горящих комочков, напоминающих маленькие солнышки. Такие же лучистые, сияющие, яркие и опаляющие жаром. В роду Алекса способности связаны с солнечной энергией. У них даже основная символика герба представлена изображением солнца. На Земле он считался бы богом солнца. Его дар, успокаивать одним касанием, взывать к жизни и возрождать надежду – это поистине прекрасно, не говоря уже о способности управлять температурой и согревать в лучах своего огня. Если, конечно, он не пытается научить тебя искусству поединка, когда все его благородные силы направлены на то, чтобы поджарить твои филейные участки.

У меня вся атрибутика с орнаментами волн, молнии и воронки. Ну это понятно. Я должна в ответ на минисолнышки завалить его теми самыми разрядами молнии, перекинуть через весь парк с помощью ветра или на худой конец притопить в озере. И мне очень много раз уже хотелось сделать

хоть что-то из перечисленного выше. Настолько меня злила вынужденная беспомощность. Но пока что только мое тело металось и летало по парку, лавируя между огненными шарами.

– Ты в порядке? – наклонился надо мной Алекс со своим стандартным вопросом.

– Да... нет.

Он оскалился улыбкой без малейшего признака сожаления и присел рядом.

– Я сегодня тебя разозлил, – констатировал он.

– Ой, да брось, совсем нет.

– Правда?

– Нет конечно!

– Не понимаю. Должно уже было все проявиться.

– Может, я исчерпала себя, когда уничтожила нейрофагов?

– Нет. Я о такой возможности даже не думаю.

– Да ты оптимист, – подколола я его.

Алекс тоже лег на спину рядом, подставив лицо яркому теплому солнцу. Некоторое время мы просто лежали и молчали. Внезапно я почувствовала, как его рука накрыла мои пальцы.

Я подумала, что парень случайно задел мою руку, и ждала, когда он одернет ее, но она продолжала покоиться на месте. Я открыла глаза и повернула к нему голову. Оказалось, он тоже смотрел на меня. Его лицо было так близко, что мы

почти контактировали носами.

– Что ты делаешь? – прошептала я ему.

– Прости, – он начал убирать ладонь, но я поймала его руку, вцепившись своими двумя.

– Алекс. Помоги мне увидеть Макса. Пожалуйста.

Он встал, стряхнув с себя мои конечности, и осторожно огляделся, видимо, выискивая признаки жизни поблизости.

– Я уже говорил тебе, что не могу.

– Прошу тебя. Ничего не выходит с обучением. Так я никогда его не увижу.

– Ты все еще хочешь...

– Алекс. Я люблю его даже больше прежнего. Помоги мне.

– Убери сияние.

– Хорошо. Прости.

Хотя бы этому я научилась. Я сосредоточилась, как он показывал, сосчитала до пяти, и постаралась слиться с окружающим миром, как хамелеон.

– Получилось, – резюмировал он.

– Так ты сможешь мне?

– Ты представляешь, что случится, если мои следы обнаружат? Как я объясню свое появление на планете, которая является частью секретного проекта? Второй раз мне это с рук не сойдет.

– Ты можешь как-то использовать то, что я не оставляю следов?

– Но ты не можешь перемещаться!

– Но как-то я это делала на Земле!

Он задумался.

– Знаешь, есть один способ, но попробовать его лучше ночью.

В моем сердце будто все перевернулось, радость затопила меня и готовилась вырваться наружу, как лимонад, который потрясли перед тем, как собрались открывать.

– Эмоции! – жестко скомандовал Алекс.

– Хорошо! Прости, – я потушила свет вокруг своей фигуры. Кажется, я начала видеть цвета, которые легкомысленно распространяю вокруг себя в минуты переживаний.

– Попробуем сегодня ночью. Сможешь выскользнуть во двор?

– Да! Спасибо! Спасибо!

Остаток дня я провела непрерывно слоняясь из угла в угол, не забывая изображать из себя хамелеона, чтобы не выдать всем своих скачущих как кардиограмма нервов. На самом деле моя абсолютная незанятость делами или работой бесила меня уже давно. Окружающие объясняли это необходимостью полного погружения в обучение. Но я проводила там полдня, а остальное время исследовала дом, его окрестности и прозябала в одиночестве. Единственной отдушиной было единение с потрясающей своей красотой природой, видом которой я наслаждалась постоянно. Но она занимала глаза, а вот мысли всегда возвращались к Максy.

Иногда, в минуты сосредоточения на своем теле и воспо-

минаниях, мне казалось, что я чувствую рядом его присутствие. Я поднимала руку и касалась его скулы, нежно очерчивала пальцем лоб, нос, губы и спускалась дальше по шее к груди, к которой затем прижималась головой в надежде услышать сердцебиение. И я на самом деле слышала стук родного сердца, открывающего мне двери в мой желанный мир. Стук становился все громче, нарастая в ушах, пока их совсем не закладывало. И я слышала, как его утробный низкий голос произносит:

– Я люблю тебя, Ки.

А потом блаженная тишина.

На этом самом месте, в высокой траве, где предавалась мечтаниям все последнее время, сейчас я с нетерпением ждала Алекса.

Он появился незаметно, тенью выступив из-за дерева.

– Ты должна мне кое-что пообещать, если получится, – без вступления заявил парень.

– Что угодно!

– Ни слова о сингах, о нашем происхождении, обо мне.

Протяни руку.

– Но что я ему скажу? – я послушно вытянула свою дрожащую конечность.

Он укоряюще посмотрел на меня, одновременно закрепляя браслет на моем запястье.

– Хорошо. Как я и сказала, все что угодно! Что это? Похоже на крипт, – я почувствовала жжение, устройство укололо

меня, пробуя на вкус мою кровь.

– Ладно. Ты должна довериться мне, делать все, как я прошу.

– Хорошо.

Алекс подошел вплотную и положил руки мне на предплечья, крепко вцепившись пальцами. Наклонившись, он прижался лбом к моему лбу. От такого близкого присутствия чужого человека мое дыхание возмущенно сбилось, а рот открылся, хватая воздух.

– Закрой глаза, успокой дыхание. Ты должна мне доверять. Я передам тебе немного себя, но ты должна постараться прыгнуть сама, чтобы остался только твой след. Я выберу точку и направлю нить к ней. У тебя будет только несколько часов, чтобы увидеться с ним, и тебя выбросит обратно. Ты готова?

– Да.

– Думай о Максе, что-нибудь сильное. Самое яркое воспоминание.

Этот момент мгновенно всплыл в моей памяти, ибо именно его так часто я проигрывала в голове. Когда светящиеся желанием глаза Макса так близко, а наши тела сплетаются в страстных, но нежных объятиях, обжигающих обнаженную кожу в местах соприкосновения. Когда поцелуй прерывается только для возможности сказать, как сильно ты любишь.

Алекс вздрогнул, я подняла веки и по его расширенным удивленным глазам поняла, он тоже видел и чувствовал все

то, что проносилось сейчас в моей памяти.

В следующую секунду я не смогла вздохнуть из-за высокой влажности. Вода заполнила легкие, в голове что-то звучно хрустнуло, обдавая огнем переднюю часть черепа. Я попыталась закричать, но безвольно упала на... твердый пол.

Да, именно на пол. Кажется, это паркет. Отдышавшись и дождавшись, когда в глазах прояснится, я огляделась. Отметив ряд дверей, уходящих вглубь коридора по обе стороны от меня, я резюмировала, что нахожусь в фойе гостиницы или жилого комплекса.

Какая-то женщина выходила из номера, и, заметив меня сидящей на полу, поспешила в мою сторону, протягивая ко мне руки.

– Что случилось, девочка? Плохо стало? Где больно?

– Нет, спасибо. Простите, – я была тронута ее беспокойством.

– Все в порядке? – она помогла мне подняться, придерживая рукой за предплечье.

Я облокотилась о стену, не чувствуя твердости в ногах. Тремор нещадно взялся за колени, прогоняя по ногам микросудороги.

– Все хорошо, спасибо. Я ищу Максима Домлатова. Вы знаете, где он живет?

– Ох, всех имен я и не помню, – голос ее немного охладел, когда она поняла, что я не знаю, куда идти, а, следовательно, скорее всего, не была приглашена хозяином.

– Высокий парень двадцати двух лет, с темными волосами и очень красивыми синими глазами, – решила я косвенно обозначить цель своего визита.

Женщина хохотнула, видимо, догадавшись о моих чувствах.

– Есть тут такой. Правда, я думала, он немного старше. Последняя дверь направо. Удачи в любовных делах, – подмигнула она мне и направилась к лифтам.

Я, переваливаясь на ватных ногах, быстро пошла к указанной двери и, достигнув ее, шатаясь от головокружения и нетерпения, облокотилась о косяк, чтобы не упасть. Сделав несколько вдохов, я громко постучала. Меня встретила только тишина, заставив изрядно напугаться, ведь мне дорога была каждая минута. Я в отчаянии съехала по косяку спиной вниз и села на пороге, опершись плечом в ненавистную преграду. Глаза наливались слезами, грозя перерасти в грандиозные рыдания. Неужели его здесь не было... Я не могла так ошибиться. Но затем дверь отворилась, заставив тело пошатнуться, потеряв равновесие, и на меня сверху уставился ледяной взгляд самых красивых в мире, во всех мирах, синих глаз.

На какое-то время мы замерли, сцепившись зрительным контактом, словно спасительными страховочными крюками над пропастью. Все тот же лишающий меня воли и рассудка от нахлынувших чувств темноволосый парень безмолвно возвышался надо мной. Он был похож на бога, который вот-

вот дарует мне жизнь или отнимет ее навсегда.

Я сидела замерев, не в силах пошевелиться, с высоко задранной головой, ожидая и страшась его реакции, но покорно надеясь на теплые слова и радушные объятия. От нервного перенапряжения каждой клеточки моего организма, я не сразу поняла, что по моим щекам текут слезы. Макс открыл рот, намереваясь что-то произнести, а я перестала дышать от неумной жажды услышать родной голос, готовая внять каждому его слову. Но, как я ни настраивала себя к нашей встрече, какие сценарии ни прокручивала в голове, все равно была так шокирована его первыми словами, будто они ударили меня незримым кнутом.

– Где ты была четыре года, черт побери!

– Макс, я... что?!

В следующую секунду он схватил меня и прижал к себе так сильно, что мне стало больно. Его губы накрыли мои в жадном давящем поцелуе, лишившем последних сил и, собственно, сознания. Безобразие! Когда я стала такой слабой?!

Очнулась я, когда в глаза ударил яркий солнечный луч, прорвавшийся сквозь ткань портьеры. В одно мгновение все детали моего последнего путешествия всплыли в голове, наградив мозг вспышкой боли и, одновременно, ощущением потерянного упущенного момента. Сколько я провалялась, тратя время на бесполезное дело?

Я попыталась вскочить, но оказалась придавлена тяжелым

предметом. Тяжелый предмет пошевелился. Обернувшись и выглянув из-за плеча, я поняла, что это Макс расположил на мне руку и ногу, создав клетку из своего тела.

– Проснулась? – раздался его голос, по которому я так безумно скучала.

– Макс! Сколько я уже здесь нахожусь?

– Ты спала всю ночь.

– Не понимаю, – растерялась я.

Он дал возможность мне развернуться, сдвинувшись, но затем снова прижал к себе.

– Что случилось?

– У меня было всего пару часов.

– В смысле? – он заметно напрягся, а черты лица его нахмурились.

– Я должна была вернуться через несколько часов.

– Ты никуда не пойдешь, – его глаза прищурились, а на нижней челюсти заходили желваки.

– Это больше от меня не зависит, Макс. Все изменилось.

– Я не понимаю. Ты больше не телепорт? – попал он в точку, удивив меня.

– Мои способности пропали, – я кивнула.

– Это то, что мы хотели. Ты поэтому не могла вернуться?

– Частично.

– Где ты была четыре года? Я думал... самое плохое, – он снова с силой сжал меня.

Снова эти четыре года ввергли меня в шок. Я внимательно

посмотрела ему в глаза, находившиеся так близко.

– Макс, ты пугаешь меня. Какие четыре года? С нашей последней встречи прошел месяц.

– Ки, тебя не было четыре года. Это правда, – медленно, как ребенку, объяснил он, а его взгляд выражал недоверие и сомнение.

– Не может быть, – я высвободилась из крепких объятий и села в кровати, силясь осмыслить слова Макса. В груди все похолодело, а ладони вспотели. Какой уж тут контроль над системами организма, когда он рядом, и уж тем более когда пугает меня своими словами.

Его теплые руки накрыли плечи, и он притянул меня к себе, прижимая спиной к разгоряченному торсу.

– Я думал, больше не увижу тебя, – услышала я хриплый волнующий голос.

– Не понимаю, – я вырвалась из железных горячих объятий только для того, чтобы повернуться и обхватить его лицо ладонями. Кожей почувствовала покалывание его щетины, и только это ощущение придавало происходящему каплю реалистичности, заставляя поверить, что все это правда. Макс здесь, рядом, я касалась его... и прошло, действительно, четыре года, раз он так уверенно на этом настаивает. Парень печально смотрел на меня, и слезы непроизвольно покатались по моим щекам, оплакивая потерянное нами, друг без друга, время. Я не могла с этим свыкнуться, но я и не могла сомневаться в том, что он говорил правду. Что-то непра-

вильное случилось, и мы стали жертвами этого.

– Там, где я была, прошел всего месяц, клянусь. Прости меня, – я ласково с трепетом коснулась его губ своими, запечатлевая легкими поцелуями всю нежность и любовь, что я испытывала к нему. Он помнил обо мне четыре долгих года. Ждал меня. Я не заслужила этого человека.

– Месяц...

– Я так люблю тебя! Я не могла вернуться. И, самое ужасное, не смогу... остаться, – ну вот, эти страшные слова сказаны.

Макс схватил меня за локти, вцепившись так, что позже я нашла синяки.

– Я никуда тебя не отпущу, – резко отрезал он со злостью.

– Мы ничего не сможем сделать. Но, как только у меня получится, я вернусь, – я медленно вывернулась ненадолго из его хватки, чувствуя, что перестаю контролировать дрожь в теле.

– Когда? Еще через десять лет? Или через пятьдесят? Боюсь, я не дождусь, и уйду на пенсию, – парень в ярости тряс меня, удерживая за предплечья. Затем, будто осознал, что причиняет мне боль, и снова прижал к своей груди, поглаживая одной рукой мой затылок.

– Макс, мне дали всего несколько часов, чтобы увидеться с тобой, но я должна буду вернуться.

– Нет.

– Меня просто выбросит назад, независимо от моего же-

лания. Прости. Я сделаю все, чтобы быть рядом с тобой, как можно, быстрее. Я очень хочу этого! Ты мне веришь? – Я с мольбой заглянула в бушующие гневом глаза, пытаюсь смягчить его ярость.

Он молчал.

– Я только не понимаю, почему сейчас еще тут. Может, это связано с тем, что на моей... у меня дома прошел месяц, а здесь четыре года...

– Где твой дом?

– Он... далеко. Я дала обещание не обсуждать этого. Ты можешь пострадать, как и человек, который рисковал, помогая мне увидеться с тобой.

– Кто это?

– Это Алекс, Макс, твой брат, но опять же это все, что я могу сказать. Прости.

– Ты нашла его, – удивленно выдохнул он.

– Скорее, он нашел меня.

Я убрала челку с его глаза и, не удержавшись, запустила руку в темные шелковистые густые волосы, окутавшие своей нежной прохладой. Он наклонил голову на бок, заключив мою ладонь в колыбель между ухом и плечом, и потерся о нее щекой.

– Я так скучала. Прости, что оставила тебя в больнице. Представляю, как ты себя чувствовал.

– Если бы я нашел тебя, ты бы долго еще не смогла сесть. Кстати, никогда не поздно... – его лукавые глаза мгновенно

потемнели, но я не напугалась. Совсем, наоборот, мое дыхание участилось, стало будто жарче, а слова дались с трудом:

– Но меня заверили, что с тобой все будет хорошо, – мой голос прозвучал так хрипло, что даже пришлось откашляться.

– Кого благодарить за медвежью услугу?

– Макс, пожалуйста.

– Снова обет молчания?

Я кивнула.

– У меня есть теория относительно моей задержки тут. И, если все так, как я думаю, это хорошая новость. Давай калькулятор.

Макс протянул телефон. Я начала вводить цифры.

– Если месяц в моем мире соответствует четырем земным годам, значит, считаем один к сорока восьми. Соответственно, исходя из этого, два моих часа – это девяносто шесть на Земле. А данное утверждение, в свою очередь, означает, что я здесь на целых четыре дня. Ну почти, не считая ночи, – голос мой срывался от радостного возбуждения.

– Всего четыре дня. А что потом? – Макс выглядел подавленным, что причинило мне физическую боль, потушив всю радость открытия.

– Я придумаю, как вернуться. Обещаю.

– Ки, с тех пор, как ты обещала не оставлять меня, ты уходила уже два раза. Я не могу верить тебе.

Я обняла его и прижалась лбом к горячему лбу, ощущая

знакомый, присущий исключительно ему, мужской аромат, который ни капли не изменился и все так же сводил меня с ума.

– Мне так жаль. Прости меня. Я не знаю, что делать. Все бы отдала, чтобы каждую минуту быть рядом. Я люблю тебя больше всех на свете.

– Так оставайся.

– Тырываешь мне сердце. Это мое единственное желание, но все очень сложно. Когда смогу, я расскажу тебе. Просто поверь мне. У меня идея, – я, нерешительно улыбаясь, взглянула в его глаза.

– Какая?

– Давай, сделаем то, что не делали никогда?

– Что? – брови Макса поползли вверх по лицу, выдавая заинтересованность своего владельца.

– Мы можем прожить эти четыре дня, как нормальная пара, не думая, что вот-вот случится нечто ужасное. Мы будем наслаждаться обществом друг друга, делать все то, ну что там делают обычно?! Можешь даже пригласить меня на свидание в кино! Как тебе?

– В целом, отлично, только с небольшой поправкой.

– Да?

– Основную часть времени я бы провел с тобой, не выходя из дома. Согласна?

Мое сердце, выбрав самого ретивого скакуна, рвануло галопом по ипподрому.

В эту ночь Макс до последнего сопротивлялся сну. Его объятия окутывали меня стальной стяжкой, вызывая во мне чувство защищенности, любви и благодарности. Я же, наоборот, не могла сомкнуть глаз. Опасалась, что проснусь в своем настоящем мире, и самый желанный образ моего любимого растает, словно последний снег весенним теплым днем. В груди жгло опустошающее чувство, отсчитывая минуты и предвещая скорое расставание.

Я любовалась его точеным прямым носом, чуть вздернутым кверху на конце, придающим лицу совсем мальчишеский вид, полными губами, длинными пушистыми черными ресницами под четко очерченными линиями бровей, мощной челюстью, с абсолютно симметричным волевым подбородком, словно вырезанным из камня талантливым скульптором. Меня накрывали волны наслаждения, вызванные моим восхищением его великолепием, соприкосновением наших тел и осознанием принадлежности друг другу. Я могла бы вечно смотреть на него, но никогда не сумела бы удовлетворить свою потребность видеть его снова и снова.

Боже. Прошло четыре года. Если бы я не видела его все это время, наверное, умерла бы от тоски. Даже последний месяц, проведенный вдали от него, был для меня тяжелым. Почему Алекс не сказал мне про разницу в хронологии наших миров? Как такое вообще возможно!? А если бы я не смогла уговорить его помочь мне увидеться с Максом? А вдруг прошло бы еще много месяцев, прежде чем я обре-

ла бы способности и возможность увидеть его!?

Я вздрогнула от страха при этих мыслях. Макс, будто почуввав мои переживания, прижал меня к себе крепче и что-то пробормотал сквозь сон.

И что мне делать теперь? Стоит вернуться на «родину», как у Макса нещадно полетит время. Синги живут долго, сотни лет, а вот обычные люди проводят на Земле весьма ограниченный срок. На секунду захотелось все бросить, и не уходить. Раньше мы справлялись с неприятностями в лице монстров, зато были вместе. За месяц вынужденной изоляции от Макса, я уже вспоминала наши совместные приключения с удовольствием, опуская часть про нейрофагов, конечно. Но как все закончилось?! Под невыносимой тяжестью обрушивающихся на меня катастроф я чуть не потеряла любимого навсегда. Поэтому я не должна подвергать его жизнь очередной опасности.

Надо действовать другим путем, но как?! Здесь остаться нет возможности. Даже если мои силы сейчас дремлют, они все равно появятся в самый неожиданный момент, угрожая нарушить равновесие этой планеты. Придут нейрофаги, вернется Алекс, в любом случае меня найдут. Могут пострадать люди, и Макс... И этот суд, результатом которого будет судьба Земли. Если я останусь, значит, даже не попытаюсь повлиять на исход дела.

Нужно посоветоваться с Алексом, и, если Макс согласится уйти со мной.... Люди моей расы внешне не отличаются

от землян. Может быть, получится выдать его за гражданина Сварги. Хотя бы той касты, которая не являлась сингами. Но что это за жизнь будет для него?! И как я объясню все родителям?!

Будто почувствовав мои терзания, он открыл глаза, и я утонула в их потемневшей синеве. В голову, словно само собой разумеющееся, пришло осознание, что я могу различить все его черты в сумраке, а также вижу свечение вокруг него. Красная аура – страсть и любовь. Эти эмоции, абсолютно идентичные моим, он испытывал сейчас, глядя на меня.

– Не спишь, – скорее констатировал он хриплым голосом, пронзающим все мое тело волной желания и всеохватывающим нарастающим чувством любви.

– Боюсь, закрою глаза, а ты исчезнешь, – честно прошептала я.

Он печально улыбнулся и потерся носом об мой нос, чем вызвал очередной прилив нежности.

– Как случилось со мной не единожды... – закончил Макс.

– Ты не простишь меня?

– Нет. По крайней мере, пока ты не успокоишься и не осядешь рядом со мной насовсем, – он гладил пальцами мое лицо, попеременно оставляя тепло своих рук на скулах, висках и губах.

– Очень этого хочу...

– Расскажи, где ты была... долгих четыре года.

– Я не знаю, где находится это место, но оно не на Земле,

и не в ее реальностях.

– Так мы были в реальностях. Значит, ты не человек?

– Вроде человек, – я кивнула.

– Инопланетянка. Где ты прячешь свои милые рожки и хвостик? – он шутливо провел по спине вниз.

– Сейчас, подожди, я открою тебе свое настоящее лицо. Обещай, что не сбежишь от страха, – заявила я, загадочно поглядывая на него исподлобья, и стараясь сохранить серьезное выражение.

– Что, на самом деле? – слегка опешил парень, но объятий к моему удовольствию не расцепил.

– Да, к сожалению.

– Вот это поворот. Я думал, что знаю каждую клеточку твоего тела...

– Закрой глаза.

Макс недоверчиво прикрыл веки, сведя брови на переносице.

– Ты готов?

– Готов, – я точно слышала, как он напряженно сглотнул. Руки его, покоившиеся на моих лопатках, дрогнули.

– Хорошо. Открывай глаза.

Макс рьяно распахнул веки, и глаза его заметались по очертаниям моего лица в темноте. Я хохотнула, не удержавшись.

– Я ничего не вижу, – услышала я его возмущенный голос.

Ах, да, он же не видит в темноте.

Макс потянулся к ночнику и зажег свет. Удивленно окидывая меня внимательным прищуренным взглядом, он замер, видимо, обескураженный представшим зрелищем моего веселого оскала.

– Ки, я вижу только то, что вокруг тебя какой-то зеленоватый свет. Больше никаких инопланетных особенностей.

На этот раз застыла я, чувствуя себя идиоткой за неуместную глупую шутку.

– Ты уверен, что видишь зеленое свечение вокруг меня? – отчетливо спросила я, делая паузу после каждого слова.

– Да.

– Но как? Люди этого не умеют, – хотя что я знаю о людях теперь...

– А у меня оно тоже есть?

– Да.

– Что это значит?

– Это просто эмоции.

– Ты всегда их видела?

– Нет. С недавнего времени.

– И что означает зеленый?

– Я еще толком не разобралась, но, вроде дружелюбие и позитив.

– А у меня какой цвет?

– Смесь красного, оранжевого, синего.

– О чем это тебе говорит?

– Любознательность, растерянность и любовь.

– Прямо в точку. Так я для тебя раскрытая книга? – по-морщился парень.

– Никогда. – уверенно сказала я. – Но как такое может быть, что ты видишь свечение?

– Может, ты заразила меня инопланетной болезнью? – усмехнулся он.

Я цокнула и в сомнении покачала головой, глядя на него с укором.

– Так как называется твой дом?

– Я обещала Алексу ничего не рассказывать. Информация может навредить кому-либо, и, в первую очередь, тебе. Я и так много болтаю, что вообще не свойственно моей расе.

– Тогда говори, что можно, – понимающе кивнул Макс. Я облегченно вздохнула, ошибочно полагая, что он смирился.

– У меня есть родители, но нет ни сестер, ни братьев.

– Хорошая новость! Хотя чем больше семья, тем лучше.

Не представляю свою жизнь без Леры и... Алекса.

– Я тоже стала считать Алекса братом. Ну еще они... мы живем долго.

– Правда? Сколько? – Макс заметно оживился.

– Я не знаю точно. Несколько сотен лет.

– Ого! А, может, ты родилась, когда в некоторых местах Земли еще рисовали наскальные рисунки? – усмехнулся он.

– Возможно, – не стала я его разубеждать.

– С учетом разницы течения времени, я состарюсь, а ты будешь все такая же, как сегодня, – Макс посмотрел на меня

с нежностью, отбросив шуточный тон.

Меня словно ударили хлыстом. Жар бросился мне в лицо, стало больно дышать и говорить, а в горле образовался ком. Под таким углом я еще не успела все рассмотреть. Видимо, весь ужас отразился на моем лице. Уголки губ Макса поползли вверх, а в глазах появились искорки смеха.

– Не расстраивайся. Зато у меня всегда будет молодая красивая жена. Знаешь, об этом мечтает каждый мужчина. Не бойся, я никому не расскажу, что на самом деле ты древнее египетских пирамид.

Хотя мне не понравились шутки о моей ветхости, я засчитала его попытку отвлечь меня от тяжелых мыслей, и постаралась улыбнуться, но получилось что-то нелепое, вызвавшее на лице Макса сочувственную ухмылку.

– Расскажи еще о своем мире.

– Там очень живописно и красиво, климат идеальный, и все люди вокруг просто неестественно совершенны. Ни одного изъяна человеческой внешности я не наблюдала за весь месяц. Будто Голливуд, наполненный звездами. Чувствую себя там лишней, – поморщилась я.

– Почему?

– Все слишком красивые, пугающе прекрасные, будто не обычные люди, а куклы.

– Как и ты. Знаешь, как я приятно удивился, заметив около тебя не занятое место, когда в первый раз зашел в аудиторию в твоём универе, – он погладил мой подбородок.

Я уже и забыла, как Макс все время заставлял меня краснеть.

– Вот ты там, действительно, хорошо вписался бы.

– Я готов вписаться куда угодно, только бы ты была рядом, – сказал он серьезно.

Боже, я готова была разрыдаться от радости и с трудом сдерживала слезы благодарности, грозившие залить все вокруг парадоксальным водопадом счастья, любви, сожаления, грусти, отчаяния и надежды.

– Ты бы сделал это для меня? Оставил бы Землю?

– Да. Я многое бы сделал, лишь бы не жить без тебя еще четыре года.

Три дня пронеслись так быстро, как может пролететь только самое счастливое и чудесное время. Утро четвертого дня, вечером коего я должна исчезнуть из жизни Макса еще на неопределенный срок, встретило меня всеми красками рассвета, обдавая ветерком из окна и разбрасывая мои волосы ореолом по подушке. Приятная прохлада охватила тело, вырывая из сладкой забвенной дремы, где я вела свою параллельную жизнь с моим любимым человеком. Но сегодня я могла касаться его не только во сне, но и в реальности. Как жаль, что скоро это останется лишь моим воспоминанием.

С отчаянным желанием сиюминутно почувствовать прикосновение Макса я повернулась на кровати и замерла в ужасе от обрушившегося на меня откровения, что его рядом нет.

Почти физическая боль прокатилась по моему телу, отказываясь принимать факт его отсутствия. Я резко села и, оглядев комнату, успокоила себя тем, что все-таки нахожусь в квартире своего парня. Усмирив сердцебиение, я уже направлялась к двери, когда с растерянным видом влетел Макс.

– Кира, что случилось? – схватил он меня за предплечья, вопросительно заглядывая в глаза. Аура его при этом вспыхивала темно-синим цветом страха, вызванного адреналином, и решительности, готовности к бою.

– Все в порядке. Я... просто проснулась. Тебя нет. Вот шла искать. Это у тебя что случилось?

Теперь он явно расслабился, но продолжал удерживать меня руками за плечи.

– Я не знаю. Мне показалось, что тебе плохо.

– В смысле?

– Я почувствовал внезапный беспричинный испуг, будто произошло страшное. И сразу подумал о тебе.

Это интересно. Какая-то связь...

– Просто мне на миг почудилось, что я уже вернулась, не попрощавшись с тобой, – я нежно провела рукой по его щеке.

Он обнял меня, прижав головой к своему сердцу, но мой рассудок смущало произошедшее. Мозг неустанно обрабатывал информацию, сопоставляя и осознавая странную параллель наших эмоций. Сначала Макс увидел мое свечение, теперь словно почувствовал мой страх.

– Мне надо было поговорить по работе, но не хотел будить. Прости, что напугал тебя. Готов загладить свою вину.

Его ладони скользнули вдоль моих рук и остановились на талии, обхватив ее почти полностью. Макс приблизил ко мне лицо и поцеловал в губы.

– Поэтому я приготовил самый вкусный завтрак.

– Твои завтраки я люблю почти так же сильно, как тебя, – улыбнулась я, вспомнив еду в форме рожницы, которой он однажды меня приятно удивил.

Все оставшееся отведенное нам время мы провели лежа в объятиях друг друга, разговаривая обо всем вокруг. О том, что Макс делал эти четыре года, как сложилась жизнь Дин, куда мы отправимся, когда сможем беспрепятственно быть вместе. Мы делились впечатлениями и просто молчали, фиксируя в своей памяти образы этих мгновений единения и счастья, омрачавшиеся печальным отсчетом стрелок на циферблате.

– Ты вернешься...

– Обещаю.

Глава 4

Возвращение назад прошло менее болезненно, и я сделала вывод, что снова начинаю привыкать к путешествиям в пространстве. Алекс ждал меня на том же месте, и я появилась прямо около его ног. Моросил дождь, поэтому мои руки и колени тут же испачкались в сырой земле. Он помог мне подняться, но я, чувствуя отвращение и злость, вызванные его предательством, сразу же с остервенением отбросила руки парня от себя.

– Как ты мог?! – выдала я ему в лицо, стараясь перекрыть дождь.

– Что? – кажется, он был действительно растерян.

– Почему ты не сказал мне про разницу во времени?! Четыре года!!!

Алекс поджал губы, а лицо его приняло суровый вид, который у него был каждый раз, когда он обучал меня.

– Четыре года!!! И ты смеешь говорить, что ты мой друг?! – гнев сочился из меня, как пожирающий изнутри яд. И весь его я собиралась выпустить на своего, так называемого, приятеля.

– Что изменилось бы, если бы я тебе сразу сказал? Ничего! Кроме того, что ты стала бы неуправляемой, не смогла бы сдерживать своих эмоций. Как сейчас! И натворила бы глупостей, навредила бы себе и окружающим.

– Я не хочу сдерживать эмоции! Ты намеренно молчал об этом! Ненавижу тебя! Я не хочу тебя видеть! – вскричала я, тряхнув рукой в его сторону.

По подушечкам пальцев прошлись иглы и, заискрившись синим пламенем, в следующий момент мелькнули ярчайшие голубые стрелы, метнувшись в сторону источника моего негодования.

Алекс, моментально сгруппировавшись, нырнул в сторону, но недостаточно быстро, поэтому синий свет зацепил его, повалив на спину в густые кусты. Оторопев на секунду от содеянного, я опомнилась и ринулась за ним, взмолившись о чуде.

– Алекс! Алекс! Ты в порядке?

Я кинулась на колени, заключив его голову в ладони, и жадно всматривалась в него, опасаясь не увидеть признаков жизни. Глаза Алекса были открыты, а сам он улыбался во весь рот. Я не помню, чтобы видела когда-нибудь прежде его искреннюю и широкую улыбку, делающую его лицо добрым и милым.

– Знаешь, в детстве мне от тебя и посильнее доставалось, – сказал он, накрыв мои руки своими ладонями.

Я расхохоталась от облегчения, что все обошлось... Или от радости, что наконец вновь почувствовала силы, которых мне так не хватало. Они являлись частью меня, и теперь начали возвращаться, даруя мне новые надежды. А, может, я смеялась от того, что на самом деле схожу с ума. Я упала

на спину рядом с ним и не могла успокоиться до тех пор, пока не начал болеть живот и икота не поглотила меня в попытках остановить истерию. Дождь щедро поливал нас, не оставив ни одного сухого места на теле.

– Алекс, какой же ты засранец, – заявила я заикаясь, когда немного успокоилась.

– Может быть, но я единственный засранец, которому ты можешь здесь доверять.

– С этим не поспоришь.

– Нам пора. Надо привести тебя в порядок.

– Я тебя не простила, – возмущенно заявила я, но тут же сама поняла, что сказала неправду. – Тебе больно?

– Ерунда. Не думай об этом.

– Тем более, что ты заслужил, – подытожила я его слова.

Он кивнул, все еще улыбаясь.

– Завтра мы не увидимся, придется пропустить занятие.

Будет очередное закрытое заседание по делу Земли. Отец вроде начал мне доверять, и я смогу присутствовать в суде.

– Ты будешь держать меня в курсе?

– Да. И, Киара, скрывай свечение, – раздраженно заметил он.

– Хорошо. И Александр, – передразнила я и тут же вернула на лицо серьезное выражение. – Не скрывай от меня ничего, кроме свечения, пожалуйста.

– Постараюсь, – он отвел взгляд, подтвердив мои опасения, что есть еще нечто, сокрытое от меня, и поспешно за-

шагал в сторону выхода из нашего родового приусадебного парка.

Следующий день, не в силах ничего предпринять, я прожила с трудом, ощущая, как тянется каждый час, увеличивая время между мной и Максом. Одни мои сутки стоили ему сорока восьми, минуты здесь для него часы, а часы – безвозвратно пролетающие дни. Не продержавшись и половины оговоренного срока, я стала пытаться связаться с Алексом, но безуспешно. Он блокировал меня, вызвав новую волну бессильного гнева, который я собиралась вылить на него при встрече. Не выдержав напряжения, я вышла в парк и направилась к озеру. Великолепный вид не приносил мне привычного успокоения. Мысли перемешались, то и дело выдавая образ Макса. В конце концов, я просто села у воды и выплеснула все свои, неприличные для моего нового дома, эмоции в горьком плаче. Слезы катились по щекам и оплакивали мои чувства к Максиму.

Когда они высохли, стало противно от себя, бездействующей, расквашенной и жалкой. Я смотрела на свое четкое отражение в озере, ощущая необходимость предпринять какие-то действия, но не понимала, что я могу сделать в этом незнакомом мире, не принимающем меня. Вывод напрашивался один: такое состояние бесполезно, поэтому я должна успокоиться и рассуждать здраво.

Сбросив платье, я начала заходить в воду. Легкий материал не успел коснуться земли, как был подхвачен ветром

и устремился к озеру. Я не сделала ни движения, чтобы предотвратить его падение, и оно опустилось у самой кромки берега, оказавшись наполовину в воде. Я медленно подняла платье и повесила на ветку. Теперь оно уже не выглядело столь блистательно, как утром. При появлении на публике этот наряд являлся предпочтительным на Сварге для девушки из благородной семьи. В основном мой шкаф состоял из платьев и костюмов с юбками, поэтому часто я носила именно это. Конечно, когда дело не касалось тренировок. Сначала гендерный подход к дресс-коду мне показался варварским, но за последний месяц я привыкла, и мне даже стало нравиться отражение в зеркале, всегда элегантно и очаровательное в искусно сшитых одеждах. Конечно, я скучала по своим джинсам и майкам, а особенно кедам, и даже периодически носила их, но старалась в это время не попадаться на глаза родителям и посторонним.

Приятная освежающая нега поднималась от щиколоток вверх по моим ногам по мере продвижения вперед. Когда влажная линия дошла до бедер, я, задержав дыхание, резко нырнула в воду, одновременно выбрасывая на несколько блаженных секунд все негативные мысли из своего мозга. Я оставалась там, пока желание вдохнуть не стало острым и причиняющим боль, как лезвие ножа, рассекающего кожу.

Выплыв на поверхность, я набрала полную грудь воздуха, ощущая резь в районе трахеи. Я не могла надышаться, а когда дыхание выровнялось, легла на спину, расслабилась в во-

де, погрузила уши под воду, перестав слышать мир снаружи, и окунулась в жизнь подводную.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Это единственные звуки, проникавшие в голову. Они помогли умиротворить тело, отпустить переживания и упорядочить мысли.

Когда я открыла глаза, вокруг было темно. Не совсем понимая, чем вызвано резкое изменение, я плавно двинулась к берегу.

– Так мы черпаем силу, – раздался надо мной знакомый голос.

– Мама? – я не знала, нарушила ли снова какие-то местные традиции, купаясь в озере, но на всякий случай извинилась и стала выбираться на сушу.

– Вода помогает нашей душе и телу быть единым целым. Мы – есть вода.

– Внутренне я всегда это знала, – улыбнулась я.

– Ты научилась скрывать свое свечение, но я все равно ощущаю, что твое единство нарушено. К сожалению, я не знаю причины...

Как же хотелось ей все рассказать, но разве она поймет? Этот мир сильно отличается от земного. А вдруг случится самое страшное, и они сделают из Макса нейрофага, чтобы он не нарушал какие-нибудь законы Вселенной. При этой мысли меня передернуло от ужаса. На такой риск я не пойду никогда.

– Просто я будто лишняя, – призналась я, не покрывив душой.

– Мне очень жаль, но это только от того, что ты лишена своей личности. Возможно, еще не все потеряно, и ее вернут, – она не очень уверенно произнесла это. – Теперь ты другая, я чувствую, но всегда остаешься моей дочерью. Ты просто запуталась. Планета, на которой ты была, ввела тебя в заблуждение, но все наладится.

– Мама, я ведь отсутствовала всего две недели?

– Мы старались найти тебя как можно быстрее, – она кивнула в знак согласия.

– А ты знаешь, что на Земле для меня прошло два года? – я пытливо посмотрела ей в глаза, не забывая прикрывать свою ауру.

– Да, отец объяснил мне, что время там текло по-другому, поэтому твоя адаптация проходит тяжело. Но ты наша дочь, ты синг, ты сильная, поэтому справишься.

– Я не чувствую этого.

– Почувствуешь. А теперь мы должны идти к отцу. У него важный разговор к тебе.

Я кивнула, внутренне насторожившись, и начала натягивать на себя мокрое платье. Мама улыбнулась, подошла и приложила руку к мокрой ткани, свисавшей с моих рук. Ее пальцы засветились синими искрами, я ощутила волну тепла, и платье в моей руке стало горячим и сухим.

Воу... Я удивленно подняла на нее глаза. У мамы встре-

енный промышленный фен. Это действительно круто и полезно. Не то что мои способности поджигать здания, разбивать машины градом и рушить города.

– Ты тоже все это можешь, – ответила она на мой немой вопрос. – Тебе просто нужно время.

Его-то у меня и нет.

– А перемещения?

Мама кивнула.

– А куда я могу телепортироваться, не нарушая законы? – спросила я осторожно.

– В пределах нашей и содружественных Галактик в подготовленные специальные зоны, отвечающие всем требованиям, и не являющиеся частной закрытой собственностью.

– А на Землю?

Она нахмурилась и посмотрела на меня с подозрительностью.

– Нет.

Я, наконец, преодолела тремор рук и залезла в платье.

– А как мы это делаем? Есть какие-то теории? Может, учебники, способные помочь мне понять основы? Я пробовала искать через эту штуку. Там есть много всего, но по моей теме – ноль, – я указала на наручное устройство.

– Тебе еще рано погружаться в практику, учитывая твои обстоятельства. Мы ведь учимся с самого детства, а твоя личность пока не возвращена, – она вздохнула, читая разочарование на моем лице. – Но литературу такого рода ты все-

гда можешь найти в нашей библиотеке. Она поможет тебе... прояснить мысли. Но Александр лучше донесет, как воплотить все в реальность. Просто доверься ему.

– Тебе нравится Александр?

– Он приятный молодой человек, – кивнула она.

– А почему вы не общаетесь с его родителями? Вы ведь знакомы, – задала я каверзный вопрос.

Мама поморщилась.

– Они очень своеобразные люди. Раньше мы часто отдыхали вместе, но сейчас у отца с ними конфликт в коммерческом плане на работе. Лучше тебе поговорить об этом с папой.

Во время обильного ужина из четырех блюд за длинным столом в большом зале я хранила молчание, вежливо кивая, но особо не участвуя в светской беседе.

Внутренне я готовила себя к предстоящему разговору, о котором ранее сообщила мне мама. Отец, обычно молчаливый и занятой человек, не так много времени проводил со мной в последний месяц. При матери я часто ощущала напряжение, а уж рядом с ним, кажется, проглатывала язык. Хоть он и являлся моим ближайшим родственником, я ничего не могла сказать ни о его характере, ни о привычках и увлечениях. Я даже не понимала, как он ко мне относится. Мои земные представления о теплой дружеской атмосфере в семье не шли ни в какое сравнение с возникшими здесь отношениями. Невероятные слова Алекса о сдержанности

и холодности сингов на самом деле оказались не лишены смысла. Особенных эмоций у отца я не заметила. Он уж точно относился к любому делу, как к очередному коммерческому проекту.

– Сегодня знаменательный день, Киара, – начал отец издалека, сразу заставив своими словами сжаться мое сердце в нехорошем предчувствии.

После небольшой паузы, глотнув напиток из своего бокала, он продолжил.

– В связи с последними событиями, которые коснулись напрямую и тебя, ты многое узнала о моей работе. Так сказать, побывала на передовой, – он сделал паузу. – Семья твоего друга, Александра, является нашим оппонентом в суде... Исход дела по которому уже предрешен.

– Могу я узнать причину спора и в чью пользу разрешен? – выдала я, хотя мои коленки под столом отбивали «ча—ча—ча».

– К сожалению, я не могу много на этот счет распространяться, но только скажу, что мы можем заметно улучшить положение благодаря тебе.

– Что вы имеете в виду? – у меня пока не поворачивался язык, обращаться к нему на «ты». Но мне явно не понравилась его последняя фраза.

– Раньше наши семьи были близки. Вы с Александром росли вместе. И всегда подразумевалось, что вы объедините два старинных и сильных рода.

– Что? – я в ужасе вскочила из-за стола, но тут же села обратно под строгим взглядом родителя. В сердце что-то перевернулось, выворачивая и поднимая страхи на новый уровень моего внутреннего «Mortal Kombat». Только этого еще не хватало! Будто мало проблем! Надо успокоиться и говорить с ними на равных, иначе никто меня всерьез не воспримет.

– Понимаю, что тебе тяжело, твоя личность утеряна, ты ничего не помнишь... Но если бы не этот конкретный трагический факт, то ты принимала бы все как должное. Потому что всегда осознавала свой долг перед семьей.

– Ты никогда не была против. Вы с Александром друзья с самого детства, – вмешалась мама.

– Но я не хочу за него замуж! – слишком тяжело скрывать свечение, я просто в бешенстве! В бешенстве и в западне!

– Замуж? – сморщилась мама. – Отец имеет в виду, что вы составите пару.

– Мне не нужна пара! – я старалась дышать размеренно, чтобы стабилизировать чувства и эмоции.

– Дорогая, всем нужна пара! Не говори глупостей! Как тогда вообще наша раса дожила бы до сегодняшнего дня, если бы каждый рассуждал так вздорно, как ты сейчас?! – с возмущением наставительно заявила женщина.

– От рода Хорс поступило официальное предложение сделки. Предварительно мы ее приняли, – спокойно сказал отец, встал и покинул обеденный зал с таким видом, будто

говорил только что об удачной продаже большой партии макарон.

За ним последовала и мать. Только я осталась сидеть за столом, уткнувшись взглядом в золотые орнаменты, украшающие дерево, и вцепившись до боли пальцами в колени. Это точно происходит в параллельной Вселенной или вовсе не со мной. Что за варварство, идти против чувств человека! Даже инопланетного!! И это в развитой цивилизации!

Где эти чувства отвергают и подавляют, тут же добавил внутренний голос.

Успокоиться я не могла, во мне все кипело от ярости и отчаяния. Пока не научилась перемещаться и управлять способностями, я бессильна что-либо сделать.

А Алекс мне за все ответит!

И речи быть не могло о том, чтобы идти спокойно спать после такой новости. Я направилась в библиотеку, надеясь отвлечься, и там наткнулась на странную огромную панель во всю стену. Не имея ни единого понятия, что с ней делать, и ни малейшего желания разбираться в очередном инопланетном девайсе, я уже хотела уйти, как заметила в стороне неприметную белую дверь в тон окружающим стенам. У нее не имелось ручки, но, когда я подошла, чтобы рассмотреть нишу, то почувствовала небольшое секундное давление в голове. Точно такое же ощущение возникало, когда со мной связывались через крипт мама или Алекс. Видимо, я прошла некую идентификацию, потому что в следующий мо-

мент, дверь отъехала в сторону, сигнализируя, что путь свободен. Внутри находилась небольшая зала, в которой тоже была размещена панель, как в предыдущей комнате, но меньше размером. Что особенно обрадовало, так это полки с настоящими книгами. На ощупь страницы отличались от привычной на Земле бумаги, и больше походили на какой-то сплав с ней полиэтилена. Как ни странно, здесь хранились тома, касавшиеся моего рода, его история, и истории других семей. Некоторые произведения были похожи на сказания, другие на дневники и своды правил.

Не знаю, сколько времени я там провела. Информация сыпалась на меня, открывая моему разуму действительно поразительные вещи. После длительного погружения в хроники сингов, на меня снизошло понимание, почему представители моей расы так хладнокровны. Нас мало. И всегда было мало. И будет только меньше со временем. Яйцеклетка женщины-синга созревает всего раз в жизни. В семье рождаются близнецы, девочка и мальчик. Эта особенность поражала жестокой нежизнеспособностью моего вида. То есть, два человека соединяются, и, в итоге, им на смену приходят только два их ребенка. Но если с одним что-то случается, то общая численность неизменно уменьшается. Моя раса находилась в демографическом кризисе с самого своего зарождения.

Это было настолько странно, что прошло некоторое время, прежде чем я осознала шокирующую правду. Исходя из написанного, у меня должен быть брат! А где же мой брат?

Или сестра Алекса? Взяв себе на заметку, выяснить эту темную историю, я продолжила изучение.

Детей воспитывают, вынуждая осознавать свой долг перед обществом и семьей. Ага, об этом упоминал Алекс. Уже с самого раннего возраста заключаются предварительные пары, чтобы все обязательно со временем выполнили свою функцию по воспроизведению потомства. Сингам невозможно составлять пары с другими расами, потому что их потомки теряют свои способности.

Это откровение, акцентирующее невыполнимость моего желания быть с Максом, расстроило меня окончательно, но и бросило вызов всем моим чувствам. Некая удовлетворенность от правильно принятого решения, не рассказывать родителям о Максе, бальзамом легла на душу. Вот, что пытался донести до меня Алекс.

Множество полезной, но и печальной, информации теперь гнездились в моей голове. Я также узнала, что действительно существует темная энергия, о которой мы рассуждали с Максом. Это все то, что нас окружает, но не имеет плотности тела. Я бы сказала, что это воздух, но не только, также пустота космоса, не занятая твердыми, жидкими или газообразными телами. Как ни странно, в том числе и ее черпает наше тело, вырабатывая новый вид энергии, доступный сингам – последней ступени эволюции живых организмов, известной на сегодняшний момент. Синги в свою очередь делятся на людей с разной степенью и количеством возмож-

ностей. Вот, например, мой род, оказалось, один из самых сильных и могущественных. В душе шевельнулась горечь. Я сильно подведу свою семью, потому что не собираюсь жить по законам сингов! Да я вообще не ощущаю себя сингом!

Я до утра просидела, выискивая и листая литературу на тему тайн освоения семейного дара, пока не уснула прямо там, на полу между полками.

Разбудил меня назойливый звук, беспрестанно сигналивший, отдаваясь унылыми трелями в голове. Жесткий пол сделал свое дело, и все тело ломило. Будильник совсем потерял страх.

Подождите, какой будильник?.. Я в библиотеке. Трезвило прямо в мозге, вызывая ощущение рези и щекотки в лобной доле. Это местное средство связи. И мне звонил Алекс. Вот ведь наглости хватает!

– Да? – ответила я, сдерживаясь, чтобы не высказать все сразу, и собираясь с мыслями, как это сделать наиболее жестко.

– Почему ты опаздываешь на занятие?

Я просто задохнулась от нахлынувших чувств.

– Вчера отец поведал мне странные вещи! Какого черта происходит?!

– Приходи. Надо поговорить, – выдержав паузу, сказал он твердым тоном, в котором не обнаружилось ни капли сожаления, а затем отключился.

– Мне определенно не нравится этот мир.

Я, наверное, никогда так быстро не собиралась. Уже через час я находилась в назначенном месте и метала молнии. Правда, пока только мысленные, но я уже ощущала напряженное онемение и покалывание в пальцах.

– Александр! Что происходит?! Какая пара?! Какое замужество?!

Расслабленная скучающая поза и равнодушное спокойное выражение лица, с которыми он меня встретил, приблизило состояние моего психологического аффекта к апофеозу.

– Киара, я надеялся, что тебе вернут личность, и не придется все объяснять. Потому что знаю о твоих чувствах к Максусу. Если бы ты все помнила, это не было бы для тебя такой трагедией. Ты осознала бы всю абсурдность надежд на спокойную жизнь с ним где-нибудь в живописном месте на Земле. Нам запрещено брать в пару человека другой расы.

– Спасибо за своевременную информацию! Только мне все равно! Я думала, ты мой друг! Да что с тобой вообще такое?! Макс – твой брат! Ты сам сказал, что он для тебя значит больше, чем родители. Как ты можешь так с нами поступить?

– Земля проиграла, – внезапно выдал он, прервав мой поток обвинений.

– Что? – я не поняла, какую смысловую нагрузку несут его слова.

– Суд законодательно признал Извлечение. Земля обречена.

Мои ноги перестали удерживать тело в вертикальном положении, и я осела вниз, в траву, которая прикрыла меня от всего парка и остального безжалостного проклятого мира. Голова так сильно закружилась, что я тут же завалилась на спину, и теперь передо мной было только безбрежное голубое небо, переправляющее по нежной синеве из стороны в сторону безмятежные челноки – облака. Тем страшнее прозвучала новость на фоне окружающего спокойствия и благоденствия.

Иррациональность его заявления резала мое сердце на мелкие кусочки, заставляя меня умирать или, по крайней мере, желать немедленной смерти, облегчающей ментальные терзания души.

Алекс сел рядом, накрыв мою дрожащую руку своей ладонью. Все тело было внезапно охвачено лихорадкой, вибрируя в унисон стучащим друг о друга зубам.

– У меня есть идея, как это остановить, – сказал он тихим голосом, сжимая мои пальцы.

Я перевела на него взгляд, цепляясь за каждое его слово, словно психически больная за остатки разума.

– Как?

– Тебе не понравится.

– Мне последнее время почти все не нравится... Но, если есть шанс, я схвачусь за любую возможность, – я села, и мы оказались лицом друг к другу. Озноб уменьшился, возвращая системы организма в норму.

– Отец передает мне сейчас часть дел, но этот проект он из рук так просто не выпустит. Если только... не предоставить ему равноценной выгоды. Например, объединения наших семей. Слияния всех владений. Ты можешь потребовать от моей семьи отсрочку для Земли в условиях договора. Далее я позабочусь, чтобы Извлечение не состоялось. Твой отец просто продолжит исследования, а планета будет жить дальше, не подозревая о нависшей угрозе.

– А будут ли в безопасности остальные планеты Солнечной системы? А Солнце? Это разве не основная их цель? В нем самая большая концентрация энергии! И оно необходимо для существования Земли!

– Эту звезду компания не тронет. Солнце – актив, который никто не подумает извлекать, когда он может в будущем принести неограниченное количество выгоды. Я прослежу, чтобы осталось все необходимое для жизнедеятельности этой планеты, как только войду в Совет компании, ты же знаешь.

– А ты успеешь?

– Должен.

– С какой стати твой отец откажется от Земли ради меня?

– Понимаешь, после того, как случились разногласия, начался суд, вопрос об объединении наших семей был забыт на неопределенное время. Когда я заметил отцу, что, несмотря на его юридическую борьбу, положительно к тебе отношусь, и даже готов принять обязательства, он поддержал ме-

ня. Отец всегда имел целью объединение именно с твоей семьей. Я упомянул, что тебе импонирует планета Земля, и ты, возможно, согласишься, если мы предложим сделку. Думаю, это будет выгодно и для твоего отца, тем более если мой откажется от иска.

Я ошарашенно смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

– Я уже говорил, тут живут, руководствуясь логикой, и думают на опережение, а не чувствами, как ты. Ты – сбой в нашей системе, – усмехнулся он, но тут же принял серьезный вид. – Отец сделает это, потому что все достанется его наследникам. Нашим наследникам.

– Неужели тебя не заботит то, что я люблю и всегда буду любить только его, – я опустила глаза, понимая, насколько по-детски прозвучал мой последний из аргументов.

– Меня заботит Земля... и заботишь ты, – последнего я совсем не ожидала от человека, который все время отчитывает меня за проявленные эмоции и неконтролируемое свечение, поэтому сейчас же пронзила его изумленным взглядом.

– Подумай об этом, но помни, времени совсем нет. Ты должна дать ответ и поставить свои условия завтра. Потом будет поздно. А теперь вставай, мы начнем тренировку.

Пожалуй, это помогло бы мне немного прийти в себя. В голове вертелись мысли, стараясь выработать путь к бегству из сложившейся ситуации, но выход был только один.

Тот, который предложил Александр Хорс.

Алекс кидал в меня свои огненные шарики, перед которыми я только и успевала ставить озоновую защиту (это словечко я вычитала в родовых книгах) или уворачиваться, группируясь. Потом он окончательно разозлил меня, и пришла ярость. Как будто и так было мало! Возможно, огромную роль сыграли размышления, беспрестанно прокручивающиеся в моей голове, но я сама не поняла, как начала отправлять в сторону своего оппонента синие микромолнии, вырывающиеся из моих рук. Те, что попадали прямо к нему, он спокойно блокировал световыми вспышками. А те, что летели мимо, натывались на установленные вокруг нас, невидимые глазу, стены, растворяясь в них или поглощаясь ими.

Улыбка парня росла пропорционально тому, как исчерпывались мои силы и распалялось бешенство. И тем больше мне хотелось стереть ее с самодовольного лица братишки Макса.

– Алекс, где твоя сестра? – зло крикнула я, напрямую касаясь темы, волновавшей меня с недавнего времени. Одновременно я старалась представить, как уплотняется воздух и несется по направлению к партнеру по спаррингу, чтобы ударить его в грудь на манер взрывной волны. К моему удивлению, у меня получилось, а мой каверзный вопрос застал Алекса врасплох. Он пропустил маневр и, несколько раз провернувшись в свободном полете, рухнул в высокую траву.

Теперь, зная, что синги довольно крепкие особи, я

неспешными шагами подошла к нему и спросила, подражая его поведению в предыдущих наших тренировочных боях:

– Ты в порядке?

– Да. Рад, что энергия начала лучше поддаваться материализации.

– Извини. Это было низко и получилось благодаря все той же нестабильности эмоций. Но меня на самом деле интересует этот вопрос. Я изучила некоторую информацию, и узнала, что синги рождаются по двое. Значит, у меня должен быть брат. Я бы спросила у родителей, но боюсь лишний раз открывать рот. Да и со своей сестрой ты не спешишь меня знакомить.

– Ее звали Алексия, а твоего брата Киан. Они погибли в один день. Около двух лет назад произошел несчастный случай в лабораториях, – голос его был ровный, но я чувствовала, в какой-то момент он дрогнул, выдавая печаль.

Я не помнила брата, но в душе все же ощутила болезненно щемящую поскребывающую боль потери. Я подозревала, что неспроста никто не говорил мне о нем, но надеялась, все окажется не настолько трагично. Но что еще могло случиться, если он ни разу не появился с момента моего прибытия.

– Что произошло?

– Взрыв в одной из резиденций лаборатории компании, спровоцированный неопознанным потоком энергии. Погибли многие, расследование до сих пор не завершено. Имелись подозреваемые в этом деле, сотрудники корпорации,

но они исчезли вместе со своими семьями, не оставив и следа. За все прошедшее время нейрофаги не поймали ни одного из них. Возможно, они ни в чем не виноваты, но вряд ли смогли бы доказать свою невиновность. И факты, что люди одновременно пропали, и их крипты перестали работать в один момент, являются косвенными доказательствами, что они все-таки причастны к диверсии.

– И Киан, и Алексия были сотрудниками научной лаборатории? Учеными?

– Если ты имеешь в виду термин, принятый на Земле, то здесь есть некая тонкость. Все синги с детства получают разностороннее образование и являются, своего рода, учеными с земной точки зрения. Каждый находит свою область со временем и закрепляется за ней, разрабатывая новые научные теории, применяя их на практике и улучшая разные сферы жизни. Алексия была еще очень молода и не выбрала четкий предмет изучения, но всегда следовала по пятам твоего брата. Я подозревал, что она была к нему действительно неравнодушна, и только надеялся, как бы у нее хватило сил, не выставлять напоказ свои чувства. О конкретных разработках ей было еще рано думать в пятнадцать лет. Ты напоминаешь мне ее. Она была тоже немного эмоциональна.

– Подожди, но ведь вы же с ней близнецы! Не понимаю... Значит, тебе сейчас должно быть семнадцать!

Он смутился.

– Ну да. Семнадцать, но только я шесть лет провел на Зем-

ле, и организм адаптировался под ее условия. Поэтому мой биологический возраст сейчас – двадцать три года.

– Сколько же мне лет? – наконец догадалась я спросить то, о чем должна была узнать уже давно.

– До того, как ты попала на Землю, тебе было двадцать. Ну а теперь считается, что двадцать два.

Я уже думала, что сегодня меня ничего не шокирует, но утром встать восемнадцатилетней, а вечером ложиться двадцатидвухлетней – это просто фантастика! Нет, вернее, это чертовщина какая-то!

– Значит, я старше тебя на пять лет...

– Нет, это я теперь старше тебя.

– Боже, какой ужас. Еще утром казалось, что мне восемнадцать.

– Не делай из этого трагедию. Мы живем довольно долго и практически не стареем. Через десять-двадцать лет такая несущественная разница стирается из памяти.

Он неожиданно по-мальчишески улыбнулся.

– Что? – удивилась я внезапной смене его настроения.

– Ты всегда норвила поддеть меня по поводу своего старшинства.

– Для меня все это действительно очень странно, – я пожала плечами с неуверенной улыбкой.

– Ты привыкнешь, – опять его любимая фраза.

– А какую отрасль науки выбрала я?

– Космология.

– Поразительно. Учítывая, что я вообще об этом ничего не знаю.

– Ты была одержима ею. Сейчас ты совсем другая.

– Да, про космос придется забыть. Теперь моя стезя – вечные поиски себя. А ты в какой области?

– Я? В скучнейшей, не то что исследование космических прерий. Политология.

– О... действительно, сплошное веселье, – я понимающе кивнула.

– Выбора у меня не было. Будущим членам совета корпорации особо не из чего выбирать. Киан тоже шел в этом направлении. Ну на самом деле у меня есть еще одно увлечение. Не догадываешься, какое?

– Ни малейшего понятия.

– Я так же занимаюсь квантовой физикой. Поэтому и помогаю тебе обуздать сингулярность. И именно благодаря этому твои родители так быстро согласились, чтобы я обучал тебя, – на лице его застыла самоуверенная ухмылка.

– К сожалению, не могу связать два этих суждения, – сухо заметила я.

– Я понимаю, как происходят эти процессы. Как запустить их. При условии, что ты синг.

– Уже не знаю, кто я. Итак, ... Политика и физика. Удивительно. Ты сможешь мне еще кое с чем?

Парень только вздохнул, почувствовав неладное.

– Алекс, я должна увидеться с Максом и все ему расска-

зять. Я хочу попрощаться с ним. Он заслуживает знать правду.

– Хорошо. Но я пойду с тобой, – снова удивил он меня.

Глава 5

Той же ночью мы уже находились на Земле. Под четким руководством Алекса, я переместилась практически сама. Я мастерски справилась с задачей, потому что надо было сконцентрироваться на образе человека, к которому ты хочешь перенестись. Переживая в голове яркое событие, связанное с ним, я протянула нить к Солнечной Системе, к планете Земля и еще более детализированным координатам местонахождения. Здесь помог Алекс.

Оказались мы в том же коридоре жилого комплекса, где я нашла Макса в прошлый раз. Перед его дверью мы замерли в молчании, объединенные гнетом и тяжестью предстоящего разговора. В груди нарастало предчувствие катастрофы. Затем Алекс все-таки постучал, и через несколько секунд Макс уже сжимал брата в крепком объятии.

– Алекс! Рад, что ты в порядке! Где ты был все это время, брат?

Хотя я не могла оторвать жадного взгляда от Макса, периферическим зрением отметила, что на секунду на лице эмоционально уравновешенного синга мелькнула радостная ухмылка. Но он ее тут же подавил, так же как и свое свечение, которое пробило брешь в его броне в первый раз с момента нашего знакомства. У меня на душе кошки заскребли от жалости. Когда Макс узнает, почему мы здесь, они уже не смо-

гут так искренне друг другу улыбаться.

– Для твоей безопасности лучше не знать. Я тоже рад, – ответил Алекс.

– Ты всегда казался не от мира сего. Но я не думал, что настолько... – мужчины закрепили встречу крепким рукопожатием.

Затем любимый человек шагнул ко мне и, обхватив мое лицо ладонями, соединил наши губы в долгом нежном поцелуе. Тело моментально ответило на его ласку, прильнув к родному обжигающему торсу и посылая импульсы жара через всю мою сущность. Как глоток свежего воздуха после долгого погружения, рядом с ним меня накрыло успокоение, плавно варьирующее между наслаждением и душевным равновесием.

«Я так люблю тебя», это была единственная мысль, которая бесконечно крутилась у меня в голове, отдаваясь многократным чувственным эхом.

«Я тоже люблю тебя», отчетливо услышала я голос Макса. Его удивленные и смеющиеся синие глаза смотрели на меня сверху вниз, но, могу поклясться, что рот он не открывал. Как это возможно?! Я была так поражена, что не заметила, как в шоке вцепилась в его руки, впиваясь ногтями в кожу. Осознав это, я поспешно ослабила захват, расстраиваясь, что причинила ему боль.

«Макс, ты что, меня слышишь?», – послала я мысль, не отрывая от него испуганного взгляда.

«Если я не сошел с ума, то слышу».

«Никому не говори», – не знаю почему я так решила, но почувствовала необходимость сохранить это в тайне.

«Что происходит?»

«Прости меня за все, что сейчас узнаешь. У меня нет выбора. Помни, я люблю тебя».

«О чем ты?» – брови он свел вместе, и его лицо помрачнело.

Раздалось сигнализирующее оторваться друг от друга покашливание Алекса, который в затянувшемся молчании наблюдал за нами с явным интересом.

– Максим, мы здесь по настоянию Киары, хотя я считаю, что ее план, во все тебя посвятить, опрометчив. Это разглашение информации, которую здесь никто не должен знать.

– Да что происходит? – кажется, он уже начинал злиться.

– Алекс, можно я сама все скажу?..

– Конечно, – тот будто почувствовал некоторое облегчение.

– А ты не мог бы прогуляться? – я послала Алексу самую милую улыбку, которая у меня имелась в арсенале. Он был уже не так доволен, но скромно кивнул и исчез из квартиры.

– Вы все-таки знакомы?

– Да, мы с одной планеты, выходцы одной цивилизации и мы одной расы, к сожалению, – я опустила голову.

– Это я уже и так понял. Что ты имеешь ввиду, упоминая о сожалении?

Я не знала, как говорить и что говорить, чтобы не ранить его.

– Я не совсем человек, ты знаешь... Я отношусь к расе сингов... – как же тяжело это все говорить. – Синги – люди с определенными способностями, передающимися из поколения в поколение.

– Со способностями, да...

– Они существуют очень давно и рьяно охраняют чистоту крови. С самого детства их воспитывают с огромным чувством долга перед семьей и обществом. Поэтому еще в раннем возрасте им определяют пару.

– Пару?

– Заключают предварительные сделки между семьями детей, равными по силе и власти. Когда они становятся старше, то образуют пару.

– Зачем ты это рассказываешь? – он сузил глаза.

– Макс, я тоже синг. И мне также была определена пара с самого детства.

– И?

– Я не помню себя настоящую. И мне по сути не так важно это чувство долга перед семьей. Но все равно... у меня нет возможности отказать.

– Что за бред?! Ты что, пытаешься мне сказать, что решила выйти замуж?!!

– Это не совсем так, но... – я закрыла глаза, страшась его разъяренного взгляда, в котором ярость перемешалась

с разочарованием и печалью, и кивнула.

– Нет выхода?! У вас точно развитая цивилизация? Потому что больше похоже на средневековье!

– Множество раз у меня возникало подобное возмущение, но это так, – все мои оправдания сейчас казались жалкими.

– Просто забудь все и останься со мной.

– Я так этого хочу, ты даже не представляешь! – я подошла к нему ближе и взяла его за руки, прижала их к своему сердцу, которое выскакивало из грудной клетки, сопротивляясь ужасу происходящего.

– Ну так сделай! – он резко вырвал руки, и в следующий момент схватил меня за плечи и встряхнул, будто пытаюсь выбросить вздорные мысли из моей головы. Затем с силой прижал к груди. Его дыхание шевелило мои волосы, а ритм сердца отбивал последние секунды единения с любимым. Позже он возненавидит меня, и путь к нему будет закрыт навсегда. Я посмотрела в его потемневшие глаза, провела пальцами по волосам, убирая челку со лба и впитывая ощущение прикосновения к нему. Как же хотелось замолчать и оттянуть расставание.

– Я должна, и дело тут гораздо серьезнее, чем требования семьи. У меня есть возможность предотвратить катастрофу, грозящую Земле.

– Но ты моя.

– Знаю. И всегда буду. Я люблю только тебя.

– Мы придумаем другой выход, чтобы все исправить.

– Прости. Я пришла попроситься, чтобы ты знал, я не просто исчезла, нарушив все свои обещания. Я... я не хочу, чтобы ты продолжал ждать меня, напрасно растрачивая свою жизнь, – мне было тяжело отпускать его, а на уме вертелась тысяча отговорок, но я не могла с ним так поступить. Я хотела, чтобы он был счастлив. И если сейчас я сделала его несчастным, то в будущем, я надеюсь, он начнет новую жизнь.

– Я не согласен. Ты останешься здесь со мной.

– Ты что не слышишь?! Дело не во мне и не в тебе! Здесь все серьезнее! Земля может пострадать! Ничего нельзя сделать, только подчиниться. Меня все равно найдут нейрофаги! А если бы и не нашли, в любом случае все бессмысленно, потому что синги уничтожат Землю, – я начинала злиться на себя, на него и на весь мир.

По его расширенным от удивления глазам, я поняла, что он шокирован. Я до последнего не хотела описывать масштабы нависшей над планетой угрозы, но Макс должен знать, ради какой цели я оставляю его.

– Я не понимаю, они уничтожат Землю, если ты не выйдешь замуж? У тебя солнечный удар.

– Да. То есть, нет. Я тут ни при чем. Это было их целью изначально. Косвенно, я могу этому помешать, если создам пару, – я всячески старалась избежать подробного изложения проблемы. Никто не заслуживает вот так внезапно узнать, что его мир существует лишь благодаря негуманному экспе-

рименту, направленному на получение прибыли.

– Какая ты благородная, – саркастично сказал он, отталкивая меня. Гнев сочился из каждого слова, наполняя мое сердце болью. Макс неровно дышал, кулаки его были сжаты, и мне показалось в какой-то момент, что он хочет меня ударить.

– Прости, – я опустила взгляд вниз, не в силах смотреть в его полные ярости и обиды ледяные глаза.

Появился Алекс, будто ему было ведомо, что все необходимое уже сказано. Он положил руку на плечо Макса успокаивающим жестом. Надеюсь, он хоть немного облегчил его чувства, как сделал это при нашей первой встрече тогда в больнице.

– Не волнуйся. Я буду заботиться о ней, – сказал он.

На секунду выражение лица Макса, действительно, смягчилось, но тут же мгновенное понимание ситуации промелькнуло в глазах парня, моментально приводя того в бешенство. И внезапно он опрокинул брата, впечатывая кулак в его лицо. Алекс пошатнулся.

– Макс! Нет! – завопила я, напугавшись, что Алекс может навредить ему.

– Как ты мог?! – взревел Макс, заноса руку для следующего удара. Его аура плотного серого цвета изобиловала черными всплесками агрессии.

– Отойди, Киара. Пусть выпустит пар, – спокойно бросил Алекс.

– Макс, пожалуйста! Алекс здесь ни при чем! У него нет выбора так же, как и у меня!

Он абсолютно проигнорировал мои слова и снова двинулся на брата, который отбивал его атаки, стараясь свести их к минимуму, даже не пытаясь нападать в отместку. У обоих были сосредоточенные лица, сведенные брови и сжатые губы, что усиливало их схожесть. Будто названных братьев действительно связывало биологическое родство.

«Что ты делаешь, Макс? Он может навредить тебе. Не делай этого!», – попыталась я воззвать к нему мысленно.

Его брови дрогнули, и на миг мне показалось, что сейчас все прекратится. Но затем он с неестественной быстротой и мощью толкнул Алекса, заставив того перелететь через гостиную и врезаться в стеллаж, ломая его в щепки и опрокидывая все кругом.

Мое удивление его фантастической для человека силой было настолько масштабным, что я забыла про Алекса, про все окружающее. Я стояла, замерев, и смотрела на гордый, четко очерченный, профиль парня, которого, думала, что знаю.

– Сюрприз, дорогая, – сказал Макс, не поворачиваясь в мою сторону и оглядывая брата с холодной усмешкой.

– Макс...

– Вам лучше уйти, – перебил он, голос его был спокойный и ровный.

Алекс, уже стоявший на ногах, хмуро и подозрительно

поглядывал на брата, а затем двинулся в мою сторону, кивая мне.

«Макс», – я из последних сил старалась поймать его взгляд, но у меня ничего не выходило. Слезы, оплакивающие его боль, мои душевные муки, эфемерные моменты хрупкого счастья, пережитого нами, наше иллюзорное будущее вместе, беззвучно заливали мое лицо. Не так я хотела попрощаться, но что еще я могла ожидать, привнося в его жизнь только боль, неприятности и разочарования...

«Пожалуйста, прости. Я так сильно люблю тебя», – послала я ему заключительную мысль за секунду до того, как рука Алекса опустилась мне на плечо, и он направил нас, прокладывая дорогу в мой теперь уже единственный дом.

– Тебе надо успокоиться, – сказал Александр, как только мы оказались во мраке ночи родового парка Стратимов. – Мне жаль, – добавил он тут же.

Водопад, обретающий начало в моих слезных железах продолжал орошать меня своими неиссякаемыми водами, пытаясь смыть отчаяние, но безуспешно.

– Киара, Земля будет жить благодаря тебе, Макс будет жить. Разве этого мало?

Я кивнула, соглашаясь с ним.

– Он даже не посмотрел на меня...

– Максим смирится.

– А я не смогу жить, зная, что он ненавидит меня.

– Он просто обозлен, но со временем поймет, что так было

необходимо.

– Мне надо было пойти одной.

Что-то большое и всепожирающее грызло мою душу, и, самое ужасное, я хотела, чтобы оно поскорее покончило со мной, отправив меня куда-нибудь в небытие, где я не буду ничего чувствовать.

– Может быть, но дело сделано. Меня волнует, почему он так силен. Никогда не замечал за ним этого раньше. Насколько я знаю, земляне вообще не обладают подобного рода физической силой.

– Да, это странно.

– Лучше бы это выяснить.

– Не думаю, что он настроен разговаривать с кем-то из нас.

– Время покажет. Он остынет. К тому же во времени мы имеем преимущество.

При упоминании о разноплановости хронологических рамок наших миров я подумала, а вдруг за тот период, что мы здесь разговариваем, Максу стало уже легче, и боль от обиды, которую я ему причинила, пошла на убыль. Это немного уладило мои терзания и осушило слезы.

– Завтра ты должна быть спокойна и беспристрастна, как истинный потомок своего рода. К вечеру все закончится, Земля будет спасена. Все будут в безопасности.

– Хорошо, – я развернулась и устало побрела в сторону дома. Он возвышался огромным замком, почти закрывая со-

бой живописную гору, которая каждое утро приветствовала меня своим величавым видом в окне спальни.

Всю оставшуюся ночь я ворочалась в постели, прокручивая в голове каждый счастливый момент, проведенный с Максом. Особенности первые встречи, которые сопровождались постоянным чувством смущения. Воспоминания даже сейчас вызывали улыбку на моем зареванном лице. Первые касания, нежные поцелуи, переходящие в страстные объятия, первые важные слова, признания. И внезапно все это перечеркивалось его ледяным взглядом, заставляя сердце бешено колотиться, тело дрожать в панике, а слезы пробивать намеченный маршрут по уже проторенным руслам.

Как же было бы легче, если я могла бы отключить все чувства, сфокусироваться на решении основной проблемы. Жить дальше и не испытывать эмоции, доводящие меня до пароксизма.

Как живут все синги, внезапно пришло осознание в мою измученную стенаниями голову. Я – синг. Значит, теоретически, я могу побороть себя и сделать это. Вот и Алекс говорил, что в обучении управлению энергиями мне мешает моя нестабильность.

В мыслях,рывающих душу, словно стая дерущихся гиев, не поделивших долгожданную добычу, я уснула, чтобы через несколько часов открыть глаза навстречу дню, который сулил необратимые перемены для очень многих людей.

За завтраком родители всячески поощряли меня, выказы-

вая одобрение моему решению. Можно подумать, меня кто-то спрашивал. Отец уж точно не похож на человека, который понял бы мои обстоятельства, простил и отпустил на четыре стороны в объятия землянина. Хотя теперь даже это не поможет нам примириться.

Мысли о Максе я заперла за самой надежной дверью на огромный амбарный замок, зная, насколько дезориентирующие, лишаящие сил и рассудка, они для меня были в этой тупиковой и безрадостной ситуации. Я запретила себе думать о нем, так как мое бесконтрольное свечение вызвало бы нескончаемый поток вопросов у окружающих.

Скорее хотелось оказаться подальше от этих чуждых мне людей, являвшихся родными по крови, но абсолютно инородными по чувствам. Я хотела увидеть Алекса, потому что в логове эмоциональных роботов он был моим единственным другом, а мне требовалась настоящая поддержка. Алекс тоже синг, но я ощущала, что этот человек чуточку более экспансивный, чем все остальные вместе взятые. Хотя он никогда не признался бы в этом, но я видела в его глазах теплоту, а в его действиях дружескую привязанность. А если вспомнить момент встречи с братом...

Макс объединял нас даже при том, что мы оказались в безвыходном и очень печальном положении. Тем больше было Максиму, который отнесся ко всему, как к заговору и предательству двух людей, которых любил. К сожалению, именно так для него все и выглядело. Я тут же остановила себя, на-

ходясь в опасной близости от нового приступа истерики.

– Рад, что Хорсы приняли положительное решение по вопросу Эрго системы. Солнечной системы, – уточнил отец, кивая на мой вопросительный взгляд.

– Я тоже, – я позволила улыбке скользнуть по лицу, не затрагивая глаз. Новость о Земле – единственный согревающий лучик солнца, надежды, во всей этой истории.

– Уже долгое время относительно нее идет наше судебное противостояние, – продолжил отец. – Мы достигли всех изначально ожидаемых результатов исследований, и, действительно, пришло намеченное в договоре время для Извлечения, но такой исход должен быть продиктован только в случае ее несостоятельности. Хорсы, к сожалению, считают именно так, но теперь у нас есть время доказать им, что они ошибаются. – Я сидела, опасаясь упустить даже толику из его неожиданного откровения.

– Ты понимаешь, что за пределы семьи эта информация выходить не может?

– Да, конечно.

– Тернус вводит Александра в курс всех дел, и он скоро займет место в совете. То, что его сын на нашей стороне в этом вопросе, играет нам на руку. После процедуры слияния вы станете одним целым, и ты узнаешь всю информацию, которой владеет он.

Я не понимала, к чему отец клонит. Наверное, принято, что между местными супругами нет секретов, но он не зна-

ет, что мы с Алексом станем нетипичной парой. Я его бесспорно уважаю, но мы никогда не будем настолько близки. В общем, я решила, что родителям это знать не обязательно, и просто кивала, впитывая материал и пытаюсь уловить больше сведений.

– Ты удивила меня. Поступила благородно, вытребовав время для Земли. Твоя просьба по поводу нее – хитрый ход и неожиданный. Эрго вызывает у тебя интерес, потому что ты побывала там?

Я сказала честно:

– Да.

– Твои действия дали возможность продолжать крайне важные исследования. Ты доказала свою преданность семье и делу, которому мы служим. Я предлагаю тебе должность в нашей компании. Работа связана с Землей, – он многозначительно посмотрел на меня, выдержав паузу. – Это, конечно, довольно далеко от космологии, но все твои знания и навыки исчезли вместе с личностью.

Я сидела, не в силах поверить в только что услышанное, и старательно сдерживала свечение, бурлящее от шока и радости.

– Будешь заниматься под моим руководством в одном из отделов «Эрго» нашей корпорации. Ты согласна?

– Да, – на удивление спокойно сказала я, хотя во мне все гудело и шумело не меньше, чем на заполненном футбольными фанатами стадионе во время решающего броска.

В столовую чинно вошел Кенек, исполняющий в доме роль привратника, и, остановившись около отца, произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Пришел доминус Александр из рода Хорс. Просит разрешения для аудиенции с доминэ Киарой.

Через несколько минут мы уже шли к нашему любимому месту в родовом парке, более-менее спрятанному от вездесущих глаз и ушей.

– Что случилось? – настороженно спросила я, как только мы отошли на приличное расстояние. – Что-то с Максом?

– Нет, – он явно мялся, и мне показалось, что от его обычного самоуверенного поведения не осталось и следа. – Я хотел удостовериться, что ты все знаешь о процедуре образования пары. Я подумал, ты ведь можешь считать, что это то же самое, что и на Земле.

Нехорошее предчувствие начало заполнять меня, расширяясь и расплываясь по груди отравляющим страхом.

– Ну да. Так я и думаю... Что ты имеешь в виду? – спросила я шепотом.

– Тебе рассказывали родители или, может, ты изучила, как происходит слияние сознаний?

Ну вот, опять это пугающее слово «слияние».

– Слияние – это метафора? – попыталась я схватиться за последний шанс выплыть из болота, в котором безнадежно утонула.

Алекс поморщился и потер виски, заставляя меня нерв-

ничать еще больше.

– Нет. Это объединение сознаний пары, интеграция генокода, духовное сращивание.

– Я...я не понимаю, Алекс. Ни черта!.. И ты меня сейчас действительно пугаешь! – вопреки моим словам это был крик отчаяния. Я не хотела знать детали, потому что произнесенное ранее уже звучало, как приговор моей жизни, моей свободе, моей любви к Максу, вообще мне, как личности, которой я стала за эти два года.

– Мы объединимся и станем одним целым организмом, просто размещенным в двух разных телах, – он не поднимал на меня глаз.

– ЧТОО? Нет! Я хочу остаться одна в своем теле! И сознание мне нужно одно! Мое! Так я не хочу! – меня просто колотило от ужаса.

Он снова поморщился. Неподалеку прошел незнакомый человек. Алекс резко сел, утягивая меня за собой и размещающая на расстоянии вытянутой руки.

– Так я и думал. Вряд ли ты интересовалась этой информацией в сети. И я не догадался все рассказать тебе раньше, – теперь от его привычного равнодушного спокойствия уж точно ничего не осталось.

– Боже... – я чувствовала, как искривилось мое лицо против воли. Во мне все кипело. – Это еще большее предательство по отношению к Макс, чем я думала. Можно как-то по-другому все устроить, без слияний? – не унималась я.

– Нет. Так принято, без вариантов. Объединяясь в пары, мы разделяем все: знания, силы и... чувства.

– Ну чувств у вас нет, чтоб их делить! – зло заявила я.

– Это не так... – сказал парень. Он выглядел на самом деле задетым. – Просто мы не выставляем их напоказ, как земляне, не бросаемся ими налево и направо, и руководствуемся логикой, а не эмоциями во всех делах! Ты не понимаешь! Мы с детства знаем, кто будет нашей парой, и учимся уважать, любить и принимать человека, с которым будем впоследствии объединены! Все это не вызывало бы у тебя удивления, если бы твоя личность не была потеряна! – и тут я увидела его ауру, она сверкала красным цветом. Это могло означать только одно...

– Алекс, что это? – тыкнула я в него пальцем, не веря своим глазам. – Твое свечение...

Мгновенное осознание его истинных чувств, которые он так мастерски скрывал, поразило меня. Неужели Алекс все это время относился ко мне не только по-дружески?!

– Да, Киара. Когда погибли Алексия и Киан, это была огромная трагедия для всех. Мы остались единственной надеждой на объединение наших семей и сохранения сил обеих родовых линий. Но меня и не надо было принуждать. Я всегда восхищался тобой и хотел, чтобы мы были вместе. И ты, в конце концов, ответила бы мне взаимностью. Да, ты не упускала шанса задеть меня по причине разницы в возрасте, но все мы понимали, что со временем грань сотрется.

Мне жаль, что не смог защитить тебя от похищения. Теперь ты не помнишь всего, что было между нами.

Я ошарашенно смотрела на него.

– Почему ты не сказал мне раньше?

– Какой в этом смысл? Твои чувства к Максусу... Я думал, ты забудешь его, и это пройдет, но... я все видел, и все понял, когда помогал тебе отправиться к нему.

– Что понял?

– Ты уже не тот человек. Ты действительно сильно любишь его. И мне неприятна мысль, что я лишаю вас шанса. Я просто не знаю, как уйти в сторону и при этом не дать Земле погибнуть. Мне жаль, что загоняю тебя в угол.

– Алекс... – слезы потекли по моим щекам.

– Если мы объединимся, назад возврат заказан. Мы будем вместе, единым неразделимым целым. Ты должна знать это. Решайся, и, обещаю, я сделаю все, чтобы ты была счастлива и забыла Макса.

– Этого никогда не случится. Может, со временем и станет легче, но он всегда будет всей моей жизнью. Прости.

– Тебе не за что извиняться.

– Но, я думаю, не станет легче никогда, – сердце источало печаль, заставляя меня понизить голос к концу фразы, и угрожая снова вызвать приступ рыданий.

– Станет, знаю точно, потому что я заберу половину твоей ноши. Все разойдется пополам, – улыбнулся он мне поддерживающей улыбкой.

– Что же, ты тоже будешь страдать от любви к Максусу? – удивление, смущение и неловкость смешались в моей душе.

– Нет, я просто буду ощущать то же, что и ты, – хохотнул он.

– Но это несправедливо по отношению к тебе! – я в изумлении смотрела на него.

– Я смогу качественнее воспользоваться своей способностью, чтобы успокоить тебя, когда ты станешь частью меня. Я готов на любые чувства, которые ты можешь мне предложить. Хотя бы дружбы и уважения.

– Ох, Алекс... Ты такой добрый, – я наклонилась и обняла его, прижавшись мокрой щекой к его груди. В этот момент мне казалось, что я обманываю всех вокруг, включая себя.

Глава 6

Алекс подал мне руку, и я вложила свои дрожащие пальцы в его ладонь. Приятное чувство успокоения мягко вторглось в мое, сопротивляющееся из последних сил, беснующееся сознание, распространяясь по всему телу теплой убаюкивающей волной. Я еще не разгадала тайну дара Алекса, дающего возможность утешить человека, просто дотронувшись до того, но меня подкупал сам факт, что, едва коснувшись его, мне становится легче на душе, будто тяжесть постепенно спадает с плеч. Я посмотрела на него с благодарностью и не смогла сдержать сожалеющей улыбки, хотя сердце усиленно противилось всем совершающимся действиям. Все вокруг казалось иррациональным, будто я дрейфовала во сне. Или даже не я.

Это абсолютно другая девушка сейчас добровольно идет к алтарю, чтобы возложить свою душу и тело, как подношение, ненасытным богам. Да, так, пожалуй, легче – просто сторонне наблюдать за замедленной съемкой кинематографического фильма. Ведь, если это мне предстоит пройти путь объединения сингулярной пары, значит, волей-неволей именно я предаю Макса. И не имеет значения, что у меня нет выбора, что все ради благой цели. Для него это не играет никакой роли. Предательство – вот, что говорил тогда его взгляд. И он не простит никогда. В тот момент Макс будто

похоронил меня.

Зато он будет жить. Он и еще семь с лишним миллиардов невинных жертв негуманного эксперимента. Без которого ни у кого из них не было бы ни единого шанса на существование. Парадоксальный замкнутый круг, заставляющий под разными углами смотреть на действия «СтратимХорс». И видеть не только белое и черное, но и все их оттенки.

Ватные ноги вели меня вперед, Алекс надежно поддерживал, вцепившись так крепко, что, казалось, скорее удерживал. Будто я имела право сбежать.

– Не бойся, – словно почувствовав мои мысли, прошептал парень.

Наконец мы избавились от улыбающихся довольных родственников и почтенных сингов, неустанно поздравлявших со счастливым событием. Присутствовали также, заверявшие в своей вечной дружбе, друзья, которых я не помнила и никогда не видела. По крайней мере, никто из них ни разу не пришел с визитом с тех пор, как я вернулась.

Далее, по плану, мы должны были сами завершить процесс слияния. Войдя в просторную пустую залу с ослепительно белыми стенами, я внезапно ощутила, что мои глаза словно пронзили иглами, моментально добравшимися до лобной доли мозга. Возникло чувство, что молекулярные ковбои устроили в моей голове мини перестрелку, истязая меня импульсной резью.

– Все хорошо, так и должно быть. Это электромагнитное

поле воздействует на заряженные тела, на нас.

Посредине возвышался небольшой пьедестал, воистину напоминавший алтарь для жертвоприношений. Подсознательный страх послал дрожь по всему телу, хотя ранее Алекс рассказывал мне, как будет происходить процедура. Так как и звучало это не менее страшно, практически фантастично, для человеческих ушей, напряжение во мне снова начало расти.

Вокруг залы были установлены щиты, изолирующие нас от окружающего мира, наподобие клетки Фарадея. Они предотвращали возможность разрушительного действия наших сил в момент их соединения.

– Каждый синг проходит через это. Никто еще не пострадал, – несмелая улыбка заиграла на его губах.

– А что, разве нет одиноких сингов, которые не захотели поделиться своим мозгом с посторонними? – выдала я, пожалев, что слова прозвучали грубовато. – Извини.

К моему удивлению, он хохотнул.

– Это случается крайне редко. Мы очень серьезно относимся ко всем своим обязательствам. Иначе, нас, как вида, уже не было бы. Но про мозг ты забавно сказала. Помню, смотрел фильмы такой тематики на Земле. Они меня веселили своей наивностью.

– Только сейчас совсем не весело, – признаки эмоций на его лице моментально потускнели, и я ощутила новый приступ сожаления. Снова обидела человека, старающегося

просто успокоить меня и немного разрядить обстановку.

– Располагайся, – показал он в направлении того самого пьедестала.

Я присела на край, стараясь оттянуть неизбежное.

– Будет больно? – я уже спрашивала, но мне нужно было еще раз услышать его успокаивающие заверения.

– Только немного заболит голова в момент консолидации. А так, скорее, просто страшно для такой впечатлительной девочки, как ты, – его голос, под стать словам, был неожиданно нежен.

Алекс присел передо мной на колени и, коснувшись моего лба рукой, отодвинул челку, открывая глаза.

– Ты уверен, что это безопасно? Ведь я до сих пор не до конца владею способностями, моя личность утеряна, сингулярность не восстановлена... – нервно сыпала я все новыми аргументами.

– Думаю, все будет хорошо, – он осторожно положил ладони на мои предплечья, аккуратно нажимая, подталкивая и призывая занять нужное положение.

Когда я устроилась, тело недовольно просигнализировало о слишком твердой поверхности, впившейся в меня с холодной каменной надменностью.

Боже. Кажется, каждая традиция этого народа направлена на то, чтобы все было как можно сложнее и неудобней. Учитывая возраст цивилизации, это выглядело еще удивительнее. Почему нельзя сходить в ЗАГС, расписаться и от-

праздновать за большим столом?! А потом развестись, если не сошлись характерами... Или если женились только для того, чтобы планету с живыми существами, среди коих люди, которые тебе дороги, не взорвали и не изъяли мощности для обогащения энной группы беспощадных властолюбивых высокоразвитых особей.

Алекс тем временем занял место рядом, повернувшись ко мне лицом. Я фиксировала его периферическим зрением так близко в своем личном пространстве, что моя кожа с той стороны начала интенсивно зудеть, подавая мне команду, срочно увеличить расстояние между нами. Его дыхание обдувало мою шею, заставляя сотни мурашек занять оборонительные позиции. Мне не было неприятно, но каждая частичка души требовала остановиться и прекратить фарс. Будто то, что должно произойти, в высшей степени неправильно и неестественно. Да, именно так я и считала. Поэтому лежала неподвижно, замерев в ожидании приговора.

– Киара, – услышала я мягкий с хрипотцой голос Алекса. – Ты так оцепенела, будто ждешь казни, – печально добавил он.

– Ну я чувствую себя ужасно и не в своей тарелке, – честно ответила я.

– Все будет хорошо, – все мужчины в моей жизни постоянно говорят эту фразу.

– Да, – не было желания спорить с ним, хотя я могла бы привести множество причин, почему для меня никогда боль-

ше не будет ничего хорошего.

– Повернись ко мне, – потребовал он твердо, но с некоторой нежностью.

Миллион возражений вертелось на языке, но я послушно повернулась на бок, при этом опасаясь, что он захочет поцеловать меня. Смешно говорить, но о данной стороне слияния я еще не думала. Вернее, старалась не думать, потому что это действительно пугало. Никто, кроме Макса, не прикасался ко мне. И я бы хотела, чтобы так было всегда.

Наши лица оказались так близко друг к другу, что мы почти касались носами, разделяя один воздух на двоих. Никогда не замечала раньше, что его глаза были так похожи оттенком на глаза Макса. От этого неожиданного открытия у меня на миг перехватило дыхание. На секунду показалось, что это Макс смотрит на меня своим любящим ласковым печальным взглядом.

Он поднял руку и положил ее мне на затылок, придвинув мою голову еще ближе. При соприкосновении наших лбов я ощутила жар, растекающийся по телу, наподобие того, что я испытывала при первых перемещениях на Земле. Постепенно зрительное восприятие начало тускнеть и затуманиваться, пока пронзительные голубые глаза не рассеялись, оставляя в сердце отчаянную надежду. Стало тяжело дышать, так как теплая влажность заполнила полости носа и рта, переводя процесс поступления необходимого воздуха в организм на новый уровень существования живого в плотной заве-

се кислородосодержащей амниотической жидкости. Голова кружилась, теряя последние зацепки реальности. Кожа горела, игольчатые покалывания переливались по всей ее поверхности, вспышки огня и холода прокатывались по телу, распределяясь по всем его частям и конечностям импульсивными всполохами, принимающими систематический характер.

Боль и наслаждение боролись за каждый сантиметр моей сущности, подвергая пыткам и принуждая забыть все, чем истерзано сердце, то, как меня зовут, и ту, кем я являюсь. Абсолютная фантастическая эйфория существования и радость прозаического бытия накрыла меня целиком шелковой простыней, убаюкивая и успокаивая мечущуюся душу. Я почувствовала легкое касание на губах.

В одно мгновение блаженство сменилось агонией, в ту же секунду мобилизуя организм и заставляя вынырнуть из сна. Я резко открыла глаза и вскочила в попытках избавиться от острой боли, простреливающей все тело. Меня согнуло пополам, и я, затравленно озираясь по сторонам, старалась понять, что происходит.

Взволнованный Алекс подскочил ко мне, заключая мое лицо в ладони.

– Что случилось, Киара? Что такое?

– Алекс, так больно! Что это?

– Я... не знаю.

– Ты обещал!!!

Мне стало легче, и я в исступлении обмякла, желая только отдышаться после этого ужаса. Алекс обхватил меня и прижал к себе, поглаживая мою голову и стараясь успокоить.

– Что произошло? – проскулила я, как только вернулась к реальности.

– Я не знаю. Что-то не так. Мы не до конца консолидировались.

– Что это значит?

– Связь поверхностная. Твоя боль отдавалась мне приглушенно, я даже сначала не понял. Надо известить Совет.

– Подожди! – мой мозг истерически заработал, стараясь ухватиться за призрачные нити надежды. Алекс вопросительно смотрел на меня.

– Остальные заметят, что с нами что-то не так?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Вроде нет.

– Алекс, давай пока не будем ничего предпринимать. Земля в безопасности. Мы добились желаемого.

Парень отшатнулся и поднял глаза, полные удивления.

– Это опасно. Мы не знаем, чем все кончится, если оставить все так. Ты можешь пострадать!

– Хуже положения, чем сейчас, и не представляю! Прости Алекс. Я люблю тебя, как друга, но не могу не ухватиться за возможность предотвратить наше слияние. Пожалуйста, пойми меня. Давай просто сами выясним, что произошло, никому не рассказывая, – я взяла его руку в свои ладо-

ни и с мольбой заглянула в глаза.

– Хорошо, но если будет малейшая угроза твоей жизни, сразу же идем за помощью в Совет.

– Спасибо!

Как Алекс и сказал, никто не заметил отсутствия между нами крепкой связи. Отец настоял, чтобы мы жили в их особняке. Нам выделили весь третий этаж, и это сыграло на руку нашим планам. Две спальни, объединенные общей залой для отдыха, стали просто идеальным прикрытием для исключительно дружеского соглашения.

Расписание следующего после слияния дня не отличалось от всех предыдущих, хотя я с воодушевлением ждала приглашения отца приступить к новой работе. Утром мы отправились в учебный парк, отрабатывать навыки трансформации энергии в материальные объекты. Это были первые шаги, овладев которыми в совершенстве, я стала бы на полпути ближе к умению перемещаться, а, значит, и к Максусу. Да, я не выкинула из головы надежду на его прощение, а происшествие при соединении дало мне силы и веру в то, что все образуется. Я должна сказать ему, что слияние не состоялось, и у нас получилось обмануть систему. И у нас теперь есть шанс.

Алекс еще менее разговорчивый, чем обычно, все время вглядывался в меня так, будто ожидал, что у меня вырастут рога. Уже несколько раз он поднимал вопрос по поводу обращения в Совет, чем пугал меня до чертиков. То, в какой

ситуации я оказалась сейчас, могло в итоге привести меня к желаемому – быть с Максом. Если же идти в Совет, они, возможно, разрешат наши домыслы, как и почему не получилась полная консолидация, но уж точно отнимут мой последний шанс на счастье.

Притягивая к себе магнитные или электрические поля, в зависимости от того, что в избытке имелось рядом, я пропускала их через себя, в конечном итоге вырабатывая чистую неприкрытую энергию. Она становилась настолько частью меня, что я могла очень виртуозно манипулировать ею. Этот процесс приносил мне визуальное и даже физическое наслаждение. Не в пример предыдущим занятиям, все получалось с первого раза. В мой воспаленный мозг даже стали поступать мысли, что я уже все умею, и пора приступать к главному, то есть к телепортации. Алекс был поражен кардинальными переменами, но уговаривал повременить с изучением теории и практики перемещения.

Проблема в том, что меня невозможно разубедить, если я задумала получить желаемое.

Вечером после легкого ужина и светской беседы за столом, где время текло так медленно, что меня начал пробивать озноб нетерпеливости, я, распрощавшись со всеми, поспешила в свою комнату. Буквально через несколько минут раздался стук в дверь, и тихим голосом Алекс попросил разрешения войти, спроецировав просьбу в мои мысли. Ну только этого не хватало, подумала я, но послала ему краткое

«да». Как же меня раздражает это вмешательство в мою голову. Неужели все синги живут в вечном диалоге со своими спутниками?!

Дверь отворилась, и в проеме возник мой псевдомуж.

– Поговорим в гостиной? – не перешагивая через порог, спросил он. У нас образовалось негласное правило, встречаться в зале, которая соединяет наши комнаты. Так было спокойнее, и это давало мне уверенность, что я не окажусь в его объятиях ночью.

– Хорошо, – я встала с улыбкой, хотя внутри все кипело. Мне не терпелось быстрее провести свой эксперимент, но для его реализации требовалось, чтобы весь дом погрузился в сон. Особенно Алекс, присутствие которого в моей голове может очень здорово помешать предстоящим планам.

Огромный диван углом занимал центральное место в большой просторной зале, залитой ярким насыщенным мастерски воспроизведенным дневным светом, несмотря на то, что за окном было уже темно. Когда мы сели, синие глаза пристально изучающе уставились на меня, вызывая ощущение, что все мои намерения раскрыты.

– Ты нервничаешь? – ну понеслось.

– Нет, – я была уверена, что надежно прикрыла ауру.

– С тобой что-то происходит, и это меня беспокоит, – не вопрос, а, скорее, утверждение. – Почему ты закрываешься от меня? – в его голосе сквозила настороженность.

– Алекс, поверь, ты тут ни при чем. Просто мне не нра-

вится наличие посторонних в моей голове, я говорила.

– Но это нормально для пары, – вздохнул он и, кажется, немного разозлился.

– Для нормальной пары может быть. Но мы не такие, и никогда не будем, – сказала я мягко, стараясь не задеть его.

– Но ты даже не даешь нам шанса, – ему явно тяжело было все это говорить.

– Я просто не хочу тебя обманывать. И не хочу обманывать себя. Прости. Я устала. Пойду спать.

– Будь осторожна, – внезапно сказал он, повергнув меня в шок. Неужели он знает?!

– Спокойной ночи, Алекс.

– Спокойной.

Оказавшись в своей комнате, я села на кровать и решила дожждаться полуночи. К этому времени все должны спать. Едва стукнуло двенадцать, я прислушалась к мыслям, пытаюсь понять, бодрствует ли Алекс. Никаких звуков или волнений я не ощутила, поэтому приступила к задуманному.

Сев на середине комнаты, я начала очищать разум от всех отвлекающих элементов. Сконцентрировавшись на своем теле, я запустила образы самых памятных моментов, проведенных с Максом. Я остановила внимание на его лице, таком до боли знакомом и любимом, вдохнула его запах, заполняя свои легкие самым приятным ароматом на свете. Я раскрыла обращенные к небу ладони, собирая энергию с окружающего меня пространства, высасывая мощь и пропуская ее че-

рез себя пульсирующими волнами, генерируя новый, абсолютно другой поток биоэнергии. Когда я поняла, что достигла уровня требуемой силы, то открыла внутреннюю дверь, за которой должен был ждать меня он.

А затем распахнула глаза. И радостно улыбнулась, разглядев постороннюю обстановку. Удача снова на моей стороне. Поднявшись с колен, я наткнулась взглядом на большую кровать. Вернее на того, кто на ней лежал. И задержала дыхание...

Макс.

У меня получилось.

Он спал на боку. Его рука покоилась на подушке, которую он прижимал к себе, что напомнило мне, как когда-то эти сильные руки держали в крепком объятии меня. Лицо его было безмятежно. И, боже, мое сердце застучало быстрее от осознания того, какой передо мной был красивый парень. Темные пушистые ресницы трепетали, а полные губы ворошили сногсшибательные воспоминания. Они так и звали коснуться их. Я почувствовала, как любовь разрастается во мне с новой силой, подобно растению, вкусившему живую воду после долгой засухи.

Но тут в памяти возник его ледяной ненавидящий взгляд, адресованный мне, и сердце защемило от боли. Повезло, что он спит, и я имею возможность просто смотреть на него, вбирать его образ, складывая изящную мозаику восхитительного портрета в потаенном уголке своей души. Когда Макс от-

кроет глаза и заметит меня, я увижу то же презрительное выражение лица, с которым он, оскорбленный, выставил меня за дверь в прошлый раз. Конечно, есть вероятность, что он остыл, ведь по земным меркам прошло уже четыре с половиной месяца.

Я осторожно подобралась к нему – и вот он уже на расстоянии вытянутой руки. Оказавшись так близко, я еле сдерживалась, чтобы не коснуться его. Страх разбудить или волнительное наслаждение от близости любимого – точно не сказала бы, что из этого заставило меня дышать так прерывисто.

Внезапно рука Макса, откинув подушку, медленно двинулась в мою сторону, скользя по темной простыне и завораживая своим действием. Глаза его оставались закрытыми, а ритм дыхания – ровным, и я была уверена, что он все еще спал. Тем удивительнее казалось, когда его пальцы сомкнулись на моем запястье и потянули за собой, увлекая, таким образом, и все тело. Прижав мою ладонь к своей груди, Макс положил руку мне на затылок и, надавливая, придвинул голову к своему лицу вплотную так, что наши глаза оказались на одном уровне. Затем его рука переместилась на мою талию, и он повторил маневр. Теперь наши тела соприкасались.

Я так скучала по его объятиям, что, очутившись совсем рядом, словно окаменела, опасаясь потревожить и спугнуть этот момент. Свечение вокруг него разрасталось алым пламенем.

И тогда он открыл глаза, а я снова забыла, как дышать.

Самый потрясающий потемневший синий взгляд с расширенными до предела черными зрачками остановился на мне. Несколько долгих секунд мы молчали. Я, внутренне съежившись, пыталась уловить хоть какие-то отголоски уничтожительных эмоций, но он просто смотрел на меня, лишая дара речи и путая мысли. Я сжалась, словно испуганный зверек, ожидая приговора хищника, загнавшего меня в угол.

Но в следующую секунду Макс уже впился в мои губы жадным поцелуем, терзая их, будто пытаюсь вобрать в себя без остатка, стереть эту часть с моего лица. Это казалось неожиданным, потому что до сего момента, он всегда был только нежным. И такого Макса я тоже познавала с удовольствием и интересом, отдавая всю себя с не меньшим рвением, что и раньше. Я ощутила, как наши энергетические потоки схлестнулись, соединяясь в одно свечение, как две реки неизбежно сливаются в одном устье. Он перевернулся, подмяв меня вниз, а сам навис надо мной. Его челка щекотала мне лоб, вызывая улыбку на горящих от безжалостных поцелуев губах. Мое тело отвечало жаром, нещадно прокатывающимся по всем его частям и отдаваясь блаженной дрожью.

Я действительно почувствовала всполохи силы, разрядами снующей между нами, расходясь гедонической пульсацией. Такую невероятную всепоглощающую эйфорию от прикосновений я не испытывала еще никогда.

Кажется, Макса охватили те же ощущения, потому что он

на миг остановился, тяжело дыша и вглядываясь в мои глаза с чуть ошарашенным выражением лица.

«Я тоже чувствую это», – послала я ему мысль, опасаясь нарушить сказанным вслух словом наше единство.

После секундного колебания он вновь прильнул ко мне, возвращая в мир сказочных фантазий и абсолютного счастья.

Я лежала на боку, спину окутывало тепло Макса, продолжавшего хранить молчание. Я не могла прийти в себя от всеохватывающего многообразия гаммы чувств, в плену которых только что находилась. Произошло нечто нереальное и из ряда вон выходящее. И раньше я любила Макса больше собственной жизни, но теперь я по-настоящему чувствовала его, ощущала частью себя. Что-то будто переключилось во мне, вызывая физическую боль даже от мысли, что я скоро буду далеко от него.

Рука его, покоившаяся на моем бедре, сжалась, посылая мурашки по телу, которое, казалось, минутой ранее, от усталости уже не способно было к каким-либо действиям. Он не разговаривал, и его мысли не доходили до меня. Даже его свечения мне больше не было видно, будто он поставил блок, который я не могла преодолеть. Его эмоции были мне не доступны, поэтому все во мне сжалось от нехорошего предчувствия. Будто он наказывал меня.

– Макс, – наконец я услышала свой охрипший голос. Надо

рассказать ему обо всем, заставить поверить в фиктивность отношений с Алексом. И тем более в то, что мы не соединились в пару. Я повернулась на сто восемьдесят градусов и оказалась нос к носу со своим идеалом. – Ты должен знать кое-что важное. У нас с Алексом ненастоящий брак.

От того, как приподнялась одна его бровь, а взгляд остался тот же отстраненный, я поняла, что должна очень сильно постараться, чтобы убедить его в своих словах. Я вздохнула и, не удержавшись от соблазна, провела указательным пальцем по щеке парня. Печаль, вызванная его недоверием и отстраненным выражением лица, сковала мое сердце. Я надеялась, он простил меня, прочитав все мои чувства, мысли, жесты.

Неожиданно я услышала отчетливый звук проворачиваемого ключа со стороны коридора, а затем шум открывшейся двери. Неприятное предчувствие шевельнулось в моей груди. Я посмотрела на него с немим вопросом, ожидая, когда же его проникновенный долгожданный голос зазвучит, рассеивая мои сомнения и страхи. Типа он сегодня ждал в гости сестру или даже родителей, которые сейчас казались мне меньшим из зол, но он молчал.

Через минуту дверь в комнату отворилась, а Макс прикрыл глаза, поморщившись, будто вся эта ситуация его только раздражала. В один момент его мысли открылись мне, показывая то, что я никогда не захотела бы видеть. Череду образов девушек, которые были у него последние месяцы.

Они прижимались к нему, касались его, целовали и... и все остальное, о чем у меня нет сил даже уразуметь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.